

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 192

С.И. РЫЖАКОВА

РОССИЙСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
2007 год
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

**ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ БЫТОВАНИЯ**

**Москва
2006**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 192

С.И. РЫЖАКОВА

**ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ БЫТОВАНИЯ**

**Москва
2006**

ISBN 5-201-13758-x (52)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 192.

Редакционная группа:

В. А. Тишков (отв.ред.)
Н. А. Лопуленко
М. Ю. Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

С.И. РЫЖАКОВА
ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ БЫТОВАНИЯ

*Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 06-06-80278а
«Историческое пересоздание структур латышской этнической культуры»,
а также гранта 2006 г. Фонда содействия отечественной науке РАН.*

*Публикация статьи осуществлена в рамках Программы
Фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»
по теме «Эволюция культурного облика Европы
под воздействием миграционных процессов и модернизации общества».*

Об авторе

РЫЖАКОВА, Светлана Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Область научных интересов – культурная антропология, этнография, этническая история, фольклор, история религий и искусства. Автор более 60 публикаций, в том числе трех монографий: «Язык орнамента в латышской культуре» (М., 2002), «Индийский танец – искусство преображения» (М., 2004), «Культурная антропология» (М., 2004; в соавторстве с С.А. Арутюновым).

About the Author

RYZHAKOVA, SVETLANA

— PhD in 1997 from Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Since 1998 in staff of Institute of Ethnology and Anthropology. Since 1996 lecturer, now docent of Russian State University for Humanities. Main scientific interests – cultural anthropology, ethnical history, folklore, history of arts and religions. Author of more than 60 publications, including books: “Language of Ornament of Latvian Culture” (2002), “Indian Dance – Art of Transformation” (2004), “Cultural Anthropology” (with S.Arutiunov, 2004).

Summary

RYZHAKOVA S.I. LATVIAN LANGUAGE: HISTORICAL RE-INVENTION AND SOCIAL ASPECTS OF CULTURAL HISTORY

The author analyses the historical processes and stages of social develop of Latvian language, both in linguistic and cultural-anthropological perspectives. Nowadays Latvian language is one of the most important structural elements of Latvian ethnic identity, which corresponds to political and economical life, law, official ideology and day-to-day culture. It may serve as a mirror for analyzing of processes of integration and disintegration in Latvian society, as well as mutual negotiation of different political groups. On the one hand, Latvian is the ethnical language of Latvians as separate ethnical community; on the other hand since 1992 it is the only official language of Latvia and the object of state Language Policy, which is aimed first and foremost on preservation, developing, actualization and ensuring of competitiveness of Latvian language. This paper describes in details all cultural and social aspects of contemporary Latvian language.

*es pārmetu vārdu laipu pār to mēlu ūdentiņu
es izvilku zīda diegu caur to smagu akmentiņu
lai man mana Veļu māte ilgi ilgi vārtus vēra
lai man mana Jūras māte zelta zvīņas laivā bēra
lai man mana dvēselīte riju rijās nokūpusi
līču loču cilpu cilpām ceļu ceļus staigājusi
lai tā krusta koka galā reiz pa reizei uzmirdzas
lai tā līdz ar sudrabzvirgzdiem upes braslā
ieviras...*

(фрагмент стихотворения
Петериса Брувериса
из сборника «Пейзаж языка»
(«Valodas ainava»), 2004 г.)^{*}

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИТУАЦИИ

Едва ли можно найти другой столь же важный для современной латышской этнической идентичности компонент культуры, столь чуткий к своему социальному статусу и культурному положению, как латышский язык. В последнюю четверть XX в. он со всей очевидностью стал и «водоразделом», и «полем боя», и «визитной карточкой», и «лакмусовой бумажкой», и даже «фиговым листом», а в целом же – чрезвычайно показательной областью проекции общественных отношений в современной Латвии. Латышский язык сегодня – это одновременно и часть политики, и хранилище культурной памяти народа, и способ общественного объединения или разъединения, и кладезь возможностей, и источник проблем.

^{*} «Перекину слов тропинку через черную водицу / Да продену шелка нитку сквозь тяжелую скалицу / пусть мне Мать душ усопших долго двери открывает / Мать морская в челн злотую насыпает чешую / пусть душа моя, покрывшись дымом риг, и тех, и этих / сикось-накось всё петляя путь-дорогу проходя / пусть сверкнет она другой раз на конце крестовой липы / канет пусть в речную заводь серебру вслед уходя...». (авторизированный перевод мой – С.Р.)

С одной стороны, латышский язык – важнейший этнообъединяющий фактор латышей, инструмент и символ формирования латышского самосознания. В ряде случаев это единственный (необходимый и достаточный) признак «латышскости» вообще. В одном из интервью президент Латвийской Республики, исследовательница фольклора Вайра Вике-Фрейберга дала общее метафорическое определение латыша как «человека, говорящего по-латышски» («latvietis ir tas, kas runa latviski»)¹.

Неужели же это оказывается достаточным? В определенном смысле, да. Общепринятым в Латвии является представление о том, что история латышского языка это еще и «судьба народа», латышей; о смежности этих понятий свидетельствует современная латвийская публицистика².

О ведущей роли латышского языка в формировании латышского этнического самосознания, в осуществлении всех этнокультурных контактов говорят и социологические, и культурологические исследования, проводившиеся в Латвии в 1990-е гг. Социолингвистические исследования показывают, что около 80 % латышей указали язык как первый признак своей «латышскости»³. Таким образом, актуальным остается представление о том, что латышский язык – это, прежде всего, **язык латышей**⁴.

С другой стороны, согласно современному латвийскому законодательству, начавшему формироваться с 1988–1989 гг., латышский язык – это единственный **государственный язык** Латвийской Республики, в определенной мере претендующий (не без сложностей) на социальный статус национального языка⁵. Законы о государственном языке были приняты одними из первых в ходе юридического восстановления независимости Латвии, Литве и Эстонии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Таким образом, на латышском языке в современной Латвии осуществляется работа всех властных структур, он доминирует в средствах массовой инфор-

мации и в образовании, хотя и не превалирует в повседневном бытовом общении и в предпринимательстве, практически на равных соседствуя с русским и отчасти с английскими языками.

Первое из этих двух положений – фактическая ситуация с многовековым прошлым, особенно активно обсуждаемая с середины XIX в. Второе же имеет пока еще недолгую историю: двадцатилетний межвоенный период 1920–1930-х гг. (да и то со многими оговорками, в особенности до сер. 1930-х гг.), и последние шестнадцать лет с 1991 г. – периоды государственной независимости. Юридический статус латышского языка как единственного государственного важен для многих латышей психологически. Фактическое же его доминирование является одной из этнокультурных и политических целей государственной идеологии Латвии, которую, как определяется в современной языковой политике, еще предстоит достичь⁶.

Между тем, на наших глазах разворачивается реальная языковая жизнь Латвии, где проявляются явные и скрытые противоречия, формируются реальные и фиктивные социальные конфликты, но где также идут и процессы сглаживания, выравнивания позиций. Это и повседневная, и культурная, и профессиональная жизнь, где язык выступает, прежде всего, **как инструмент деятельности**, и где люди меньше всего задумываются об его этнокультурной символике и идеологической составляющей. По сути дела, это – область языковой прагматики, где вырабатываются тенденции, отрабатываются механизмы, идут процессы, противостоящие стандартизации языка, его размыванию, формирования пиджинов⁷, интерференции и трансференции в процессе межъязыковых контактов, креолизации.

К исследованию путей исторических преобразований латышского языка, сложению и закреплению статусов, символики, а также к социальной прагматике латышского языка я и обращаюсь в настоящей статье.

КАК СКЛАДЫВАЛСЯ ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК

Латышский язык на сегодняшний день – наряду с литовским и выделяемым рядом ученых как особый язык латгальским⁸ – относится к восточной подгруппе балтийской языковой ветви (или группы) индоевропейской семьи.

Термин «балтийские языки» (Baltischen Sprachen) впервые появился в 1845 г., он был предложен немецким лингвистом Г.Х.Ф. Нессельманом⁹. Однако окончательно это обозначение прижилось только в первые десятилетия XX в.; ранее эту группу языков называли также «айстийскими» (aistisch – немецкий лингвист Цойс, 1837; *aisčiai, aisčių kalbos* – литовские лингвисты Яунис и его ученик Буга, 1908; 1924¹⁰), «леттскими» (*Letticae linguae*, Потт; *Litauisch / Lettisch*, Прельвитц), «летто-литовскими», «лито-славянскими» / «летто-славянскими» (*Lituslavisch, Lettonslavisch*; Брюкнер, Лескин) и т. п.

Начало изучения этих языков относится к XVII в., и было связано, прежде всего, с именами таких исследователей, как Георгиус Манцелиус, Христофор Фюреркер и Христиан Адольфи, а позднее – Эрнст Глюк и Готхард Фридрих Стендер. Научное изучение латышского языка было начато Августом Биленштейном в сер. XIX в., и продолжено, прежде всего, крупнейшим латышским языковедом XX в. Янисом Эндзелином. К настоящему времени практически все лингвистические аспекты латышского языка неплохо описаны и изучены¹¹.

Для культурно-антропологического исследования балтийских языков особенно важна характеристика, данная крупнейшим отечественным знатоком балтийских языков В.Н. Топоровым; он отметил, что уникальность балтийских языков заключается в своеобразном сочетании традиции и инноваций. В.Н. Топоров подчеркнул наглядность связей балтийских языков с греческим, латинским, славянскими, германскими и многими другими индоевропейскими языками (при том, чтопись-

менные памятники на балтийских языках относятся к довольно позднему времени), и предположил, что это «может свидетельствовать или об особой архаичности балтийских языков, или об их преимущественной близости к исходному индоевропейскому состоянию, или о том и другом одновременно».¹²

«Балтийские языки, – пишет В.Н. Топоров, – существенно превосходят все другие индоевропейские языки на их современной стадии развития своим архаическим обликом и верностью исходному индоевропейскому типу в ряде важных особенностей (слоговая структура слова, просодические и морфонологические особенности, структура именных и глагольных категорий, флексия, синтаксические структуры, словарь). Балтийские языки развили значительное число инноваций, но при этом многие из них представляют собой органическое и естественное продолжение старого состояния, избегающее резких разрывов и радикальных перестроек, и, кроме того, в значительной степени сохраняются очертания старого каркаса индоевропейского типа. **«Старое» в балтийских языках не просто «сохраняется» как реликт, доживая свой затянувшийся век, но искусно включается в новые схемы, предназначенные для решения новых задач. Это заново осуществляемое «оживление» языковой архаики является тайным нервом балтийских языков и придает им черты особого гармонического равновесия** (выделено мною – С.Р.)»¹³.

Однако в чем именно заключается это равновесие, как именно достигалось «оживление» языковой архаики – вопросы, требующие специального исследования.

Например, языковед Ирина Диманте, исследуя изменения в латышском словообразовании, приходит к выводу, что некоторые новые слова являются прямыми заимствованиями в результате языковых контактов, хотя значительная часть – это активизированные, ранее не востребуемые («дремлющие», потенциально воз-

можные) языковые конструкции. Она пишет: «Латышский язык, генетически предрасположенный к изменениям системного характера как бы принимает “подсказку” (конструкцию или формулу) извне, утверждает ее в своей структуре, а затем продолжает реализовывать уже по своим сформировавшимся схемам»¹⁴.

Можно ли говорить о том, что закономерности, наблюдаемые в эволюции латышского языка, являются более общими и распространяются на другие сферы культуры? Существенная гибкость языка, позволяющая сохранять «грамматику» при частых и интенсивных заимствованиях «лексики», характерна не только для латышского (а, видимо, и литовского) языка, но и в целом для этой культуры (что, в частности, показывает исследование латышского орнамента¹⁵). Но можем ли мы наблюдать действие этих механизмов аккультурации и поныне?

Социальный фактор играл важную роль в формировании латышского языка. Прежде всего, необходимо иметь в виду, что он развивался в двух направлениях или в двух вариантах – устном, фольклорном (особенно ярко проявившимся в песенном творчестве, в текстах латышских народных песен – так называемых «дайн»¹⁶), и письменном (по сути дела, создаваемым балтийскими немцами, просветителями, пасторами, начиная с XVI-го в., а главным образом – в XVIII – начале XIX вв.).

Эти два слоя языковой культуры до середины XIX в. весьма мало влияли друг на друга. Конечно, нельзя сказать, чтобы между ними была непроходимая пропасть. Но латышский письменный язык XVIII в. был в то время с трудом понятен латышам и чрезвычайно далек от разговорной речи: его происхождение и функции, социальная прагматика и семантика существенно отличались от последней.

Возможно, первым мостом, перекинутым между латышской книжностью и устной речью латышей, были тексты гернгутеров – протестантского pietического движения, охватившего в XVIII в. многие об-

ласти Лифляндии¹⁷. Более систематическое же их сближение начало происходить в середине XIX в., в период как первого национально-культурного пробуждения, так и целенаправленной филологической деятельности.

Эпоха древности

Начало формирования латышского языка лежит между I и V–VII вв. н.э., когда шел процесс распада восточнобалтийской языковой общности и образования на ее основе южных диалектов литовского, а северных – латышского языков¹⁸.

Типичные для латышского языка инновации возникли в период V–X вв., видимо, не столько под действием внутренних структурных причин, сколько внешних, социально-политических, благодаря длительным контактам с прибалтийско-финскими народами и создававшемуся здесь на пограничных областях балто-финскому билингвизму¹⁹.

О влиянии прибалтийско-финских диалектов на латышский язык, и о наличии в нем литовского субстрата свидетельствуют, прежде всего, латышская грамматика, особенности словообразования, и в некоторой мере лексика²⁰. Видимо, фиксированное на первом слоге ударение в латышском (в отличие от свободного в литовском), является следствием прибалтийско-финского влияния.

Однако к V–VII вв. относят и интенсивные контакты восточнобалтийских (особенно южных) и восточнославянских племен, перемещавшихся к северу и востоку от области первоначального обитания; эти контакты, полагает филолог-балтист П. Дини, закрепили архаический облик ряда южных восточнобалтийских (будущих литовских) диалектов.

Начиная с X–XII вв. отсчитывают т. н. историческую эпоху существования балтийских народов; именно с этого времени лингвистические, археологические и данные

Чтобы понять и оценить роль преобразований в латышском языке современной Латвии, необходимо хотя бы кратко обратиться к важнейшим этапам в истории его формирования.

Мы обладаем крайне небольшим количеством источников по истории латышского языка до XVI в. В латинских, польских, немецких письменных источниках встречаются лишь отдельные фразы на латышском языке (это имена и отдельные фразы в списках членов рижских ремесленнических цехов носильщиков и разносчиков пива, зафиксированные начиная с 1452 г.); к самым ранним латышским текстам относят также перевод молитвы «Отче наш» Николая Гисберта (1507 г.). Историк латышской книги Алексей Апинис предполагает, что гипотетически можно говорить о существовании кратких записей христианских литургических, библейских, а также правовых текстов на балтийских языках уже в XIII в., однако мы не имеем их образцов; зато существуют летописи, правовые кодексы, культовые тексты на латинском и нижненемецком языке, создававшиеся на территории Латвии²³.

Ситуация начала меняться в XVI в., когда были созданы первые письменные тексты на латышском языке. Это были лютеранские литургические книги, привезенные из Любека в 1525 г.²⁴, католические катехизисы 1585–1586 гг., (изложение вероучения священника Петра Канизия), изданные в Вильно, а также переводы руководства для лютеранских пасторов из Земгале и Риги на латышские диалекты (довольно близкие друг другу), распространенные в Земгале, вокруг Риги, и в центральной Видземе. Они были зафиксированы письмом на латинской основе, по образцу немецкого алфавита (готическим шрифтом).

письменных источников надежно коррелируют между собой. В это время впервые фиксируются многие балтийские этнонимы и топонимы. В древнерусской хронике Нестора впервые упоминаются «летьгола», «лотыгола», наряду с «либью», «зимеголой» и другими древнебалтийскими народами. В «Хронике Ливонии» (или «Ливонской хронике») Генриха Латвийского, написанной в первой трети XIII в., были зафиксированы этнонимы Lyvones и Lettos (Lettigalli), а также топонимы Lettia (Lethia) и Livonia (позднее в немецких письменных памятниках – Lettland)²¹. Известно также, что к этому времени балтийский лингвистический ареал уже значительно уменьшился по сравнению с началом новой эры; и в дальнейшем эта тенденция отчасти продолжилась; в латышском языке – уже не столько в пространственном сужении, сколько в потере общественного престижа, в понижении его социально-политической роли.

В истории балтийских языков критическим оказался XIII в., когда, по-видимому, прекратили свое существование два западно-балтийских языка (западно-галиндский и ятвяжский), а также восточно-галиндский языковой ареал, ассоциируемый с балтийским населением Днепра, позднее, в XVI в., были зафиксированы последние признаки куршского (западно-балтийского), селонского и земгальского (восточнобалтийских языков). Пруссский в остаточном состоянии существовал до XVIII в.

Вот как представляет генетическую классификацию основных ветвей балтийских языков П. Дини²²:

Западнобалтийские	Восточнобалтийские	Балтийские Днепра
куршский (+ XVI в.)	латышский	вост.-галинд. (+XIII в.)
зап.-галинд. (+ XIII в.)	литовский	
ятвяжский (+ XIII в.)	селонский (+XVI в.)	
пруссский (+XVIII в.)	земгальский (+ XVI в.)	

XVII век

Первые грамматики и словари латышского языка появились в XVII в., что было связано с трудами нескольких выдающихся личностей.

Георгиус (Юрис) Манцелиус (1593–1654), священник, крупнейший и своеобразный прозаик первой половины XVII в., издал первый немецко-латышский словарь «*Lettus*» (Rīga, 1638), с кратким очерком латышской фонетики и примерами разговорной речи и фразеологии. Он основывался на среднем, или земгальском диалекте (на котором позднее и создавалась литературная традиция латышского языка), но в значительной мере создавал тексты сам, подвергая исходный речевой материал стилизации. Манцелиус

обращал большое внимание на устную народную речь, особенно на фонетику и фразеологию; стал выделять на письме дифтонги (в XVI в. их часто не замечали), падежные окончания, долгие гласные (ввел h как признак долготы, которую ставил за a, e, u; смягчил на письме l, r, p; иногда различал на письме широкую и узкую «e»).

Первая грамматика латышского языка – «*Manvductio Ad Lingvam Lettonicam*» («Руководство по латышскому языку») была издана в Риге в 1644 г. **И.Г. Рехехузен** (?–1648/1650). Другим важным письменным источником был латышско-немецкий словарь, составленный **Христофором Фюрекером** (1615–1685), – поэтом, собиравшем материалы по латышскому языку и выстраивавшем новую латышскую орфографию. Его

язык был довольно близок латышскому разговорному, но сочетался с особым, авторским поэтическим стилем (короткие фразы, конкретность, использование деминутивов). Однако Фюрекер сам не опубликовал своего труда; его материалы вошли в книгу **Х. Адольфи** (1622–1686) «Первый опыт краткого введения в латышский язык» («*Erster Versuch einer kulturverfassten Anleitung zur lettischen Sprache*», Митава, 1685)²⁵.

Весьма примечательной фигурой в латышской истории XVII в. был **Янис Рейтерс** (ок. 1632–1695/1697), первый известный нам академически образованный латыш. Он закончил Дерптский университет, стал филологом, богословом, служил пастором, но в течение своей жизни несколько раз переходивший из лютеранства в католичество и об-

ратно. Известны его переводы на латышский язык библейских текстов и молитв (1675 г., *Tulkojumi paraugs*, «Образец перевода»²⁶), в которых явно ощущается тесная связь с разговорным языком. Однако Янис Рейтерс был мало известен впоследствии, его имя и труды почти не упоминаются даже пасторами XVIII в., собиравшими материалы по латышской литературе. На дальнейшее развитие латышского языка труды Рейтерса оказало мало влияния. К. Карулис полагает, что они, как и словарь Яниса Ланге (XVIII в.), словно «одиночно стоящие столпы», были, возможно, иной, альтернативной ветвью латышской языковой традиции: «Можно только гадать, какой бы была история латышского литературного языка, если бы в основе письменного языка... были продолжены устремления Рейтерса»²⁷. Однако магистральная линия развития латышской литературной языковой традиции сложилась на основе работ Г. Манцелиуса, Э. Глюка, Г.Ф. Стендера.

Эрнест Глюк (1652–1705) – лютеранский пастор и исследователь латышской письменности опирался в основном на язык Фюрекера (об этом – см. у Л. Берзиньша, FBR, VIII, 175). Он был первым переводчиком и издателем полного свода библейских текстов на латышском языке; в 1685 г. вышел – «Новый завет» (*Tā Svētā Grāmata, jeb Dieva Svētais Vārds*), в 1689 г. – «Ветхий завет»²⁸. Фактически, он стал систематизатором и кодификатором латышского языка духовной литературы. Его латышский язык был своего рода амальгамой балтийского языка с большим числом германизмов. Он изобрел ряд абстрактных терминов; буквально калькируя с немецкого, изобрел слова *visuvaldīgs* (allmächtig), *dieva bijātīgs* (gottesfürchtig); стал систематически использовать артикли *tas, tā* по немецкому образцу. Тем не менее, он воспринял и ряд очень типичных балтийских языковых черт, особенно строение вопросительных фраз. Резюмируя вклад Э. Глюка в развитие латышского языка, языковед Э. Блесе отмечает: «Позднее в латышской письменности старые языковые формы исчезли, но особенный, в целом архаический латышский дух, только в значительной мере подчиненный требованиям немецкого языка, остался жить в духовной литературе, отчасти и до нашего времени»²⁹.

Приходится в целом признать, что в XVII в. в письменных источниках мы еще не слышим голоса латышей, если не считать собранного в гораздо более позднее время фольклора, зафиксировавшего речь (прежде всего, поэтическую), которую можно ретроспективно отнести не только к XVII в., но и к значительно более ранним историческим периодам.

XVIII век

В 1730-е гг. появились новые грамматики латышского языка, в т. ч. *Dispositio imperfecti ad optimum seu Rudimenta grammaticae Lotavicae* (1732), *Lotavica Grammatica* (1737), основывающиеся на грамматике Адольфи, и созданные на основе диалектов, характерных для центральных областей Ливонии³⁰.

Крупнейшей личностью XVIII в., оказавшей огромное влияние на дальнейшее развитие ла-

тышского языка, и в частности на появление светской литературы, стал Г.Ф. Стендер.

Готхард Фридрих Стендер (Старший) (1714–1796), сын пастора и знаток греческого и латыни, теолог, поэт и прозаик; некоторое время находился под влиянием пиедизма, потом – рационализма. Живя в Галле, он преподавал в сиротском приюте; переехав в Курляндию, занялся школьным образованием. С 1744 г. он изучал латышский язык, особенно устную речь. Жил и работал в Литве, Германии, Дании, опять в Курляндии. С 1766 г. он со своей семьей осел на территории современной Латвии в Земгале, став пастором в Сунаксте. Здесь он умер, был похоронен, и на могильном памятнике выбита знаменитая надпись «*Sche apraksts G.F. Stenders Latwis, dzim. 1714, mir. 1796, ar savu gaspazchu*» – «Здесь похоронен Г.Ф. Стендер, Латыш, родившийся в 1714 г., умерший в 1796 г., со своей супругой».

Стендер стал основателем латышской светской литературы (сочинил и издал сказки и рассказы – первую светскую книгу на латышском языке в 1766 г., и затем, в 1789 г., прозу, стихи, научно-популярные рассказы – «*Augstas Gudrības Grāmata no Pasaules un Dabbas*», Mītaui-Aizpute, 1774). Он был приверженцем рационализма, поэтому в сказках (во многом, созданных на основе немецкой литературы) он выделял мораль – мудрость, трудолюбие, скромность; сказки без морали презирал и сравнивал с красивым, но слепым конем. Резко выступал против суеверий, рассказов о чертах и т. п., но стремился все просветлять «светом разума».

В 1761 и 1783 гг. в Брауншвейге вышла его «*Lettische Grammatik*», «Грамматика латышского языка» с разделами о латышских «идиотизмах» (фразеологии, идиомах, а также пословицах и загадках) и поэзии (народные песни Стендер считал первобытно грубоватыми; отметил, что в Курляндии они исчезают в связи с распространением другой, высокой поэзии). В 1789 г. был издан его «*Lettisches Lexikon*» (Mītaui), «Словарь, латышско-немецкий и немецко-латышский», также с фразеологией и пословицами.

В латышском языке Стендера при очень ясном слого, четкости выражения содержится много германизмов, чувствуется искусственность; ясно, что на таком языке латыши не говорили. Фольклорист Карлис Страуберг заметил, что Стендер «не стремился поднять язык, возвысить его, но старался со своим языком снизойти до уровня народного языка». Однако Э. Блесе напоминает, что все же именно язык Стендера был тем источником, откуда вырос «наш национальный современный литературный язык»³¹. О переводческом чутье, о тонком восприятии Стендером латышского языка, о сделанных им попытках применения латышского фольклорного языкового материала к переводам европейской литературы на латышский язык подробно описано в статье В.Н. Топорова «Три заметки о Старом Стендере»³².

Еще одним выдающимся деятелем XVIII в. был **Матиас Стобе (1740–1817)** – первый латышский публицист, теолог (закончивший университет в Кёнигсберге), работавший домашним учителем в Курляндии. Он основал

первое латышское периодическое издание, газету «*Latvīska Gada-Grahmata*» (1797–1798 гг.). Правда, она выходила очень недолгое время и не получила широкой известности.

Большое влияние на формирование интереса к латышскому языку в рамках романтического подхода оказал видный немецкий просветитель **Г.Ф. Гердер (1744–1803)**, живший в конце XVIII в. в Риге³³.

В Ливонии, ставшей при вхождении в Российскую империю Лифляндской губернией, в XVIII в. широко распространилось протестантское пиедическое движение **гернгутеров**, сыгравшее очень большую роль в христианизации латышей. Несомненно колоссальная роль гернгутеров, пока еще мало исследованная, в истории развития латышского языка и в целом культуры³⁴.

Оценивая деятельность гернгутерских общин Латвии, историк Гвидо Страубе отметил, что благодаря им значительно возрос уровень крестьянского образования, и подчеркнул, что лифляндское крестьянство было в то время одним из самых образованных среди других народов Европы (в 1790-е гг. треть крестьян Курземе была грамотна, в Ливонии – 61 %) ³⁵.

В среде гернгутеров и близких к ним по духу прихожан, посетителей молельных домов, появился новый тип источника – рукописи братьев. Латыши-крестьяне начали писать. Крестьянские сочинения вообще очень редко встречались тогда в Европе. Эти произведения были весьма близки к устной истории³⁶ и включали речи, песни, биографии, исторические очерки, сочинения эпического жанра. Из речей, произносившихся при приеме нового брата в общину, на повседневных собраниях, во время праздников или похорон сохранились, в основном, те, которые были созданы «немецкими братьями» (это были заранее подготовленные довольно обширные тексты с сильной дидактической составляющей). Латыши же, как полагает А. Алинис, чаще говорили спонтанно, без подготовки, поэтому текстов латышских авторов сохранилось мало. Кроме того, они как правило не подписывались и не датировались. В 1739 г. вышло издание тридцати трех духовных песен в нескольких тетрадях; в 1742 г. – книга с 235 текстами.

Илона Миезите, опубликовавшая текст рукописи «Книжечка усопшего», созданной Янисом Раманисом в 1824 г., обнаружила несколько особенностей этого типа сочинения³⁷. Исследовательница пишет, что сквозь текст струится уверенность, свежесть чувств; горечь и протест против устройства этого мира. В первой части речь идет только о гнев Божьем, суде Божьем, о безбожных людях (*bezdievīgie*), которые обижали «праведных» (*taisnie*). Сердце автора страдает и радуется при мысли о мести Бога. Во второй части подчеркивается святость жертвы Христа, которую каждый человек должен нести в своем сердце. Но акцент делается не на страданиях и смерти (что характерно для лютеранства вообще), а на воскресении, отчего И. Миезите даже предполагает возможность знакомства автора с православием.

Текст «Книжечки усопшего» написан в промежуточной манере между поэзией и прозой, что характерно и для лютеранской лите-

ратуры вообще, и для гернгутерских текстов в частности, но обычно песня цитируется, она рифмована и иногда с нотами мелодии. Граница между прозой и поэзией подчас нечетлива. Такой синтез не характерен для текстов речей немецких братьев. «Немецкие братья упоминают, что латыши часто говорят словно поют»³⁸.

Но в этом тексте наряду с цитатами собственноручно песен имеются и промежуточные по жанру тексты, в которых заметны своего рода формулы. Может быть, это свободный перевод какого-то стихотворения? Может быть, это сочинения авторов – один текст в рукописи зачеркнут, словно не понравился. На два песенных текста имеются указания: «так поет Святой Марк», при чем это песнопение связано с вознесением Христа³⁹.

Большое влияние гернгутерское движение оказало и на музыкальную культуру латышей. Из Европы и через Ригу в Валмиеру и далее в деревни шло движение новых инструментов – скрипки, и любимые гернгутерами духовые – рожки, трубы. Гернгутеры на своих собраниях всегда много пели. На школьных семинарах проводились уроки музыки, изучались ноты, разучивались мелодии. Комиссия 1742–1743 гг. отметила улучшение певческих способностей и то, что на богослужениях они – латышские прихожане – уже не «орут» – как это констатировал в XVII в. Г. Манцелиус, но поют красиво, и даже иногда слышится многоголосие⁴⁰. Гернгутеры Янис Цимзе и Георг Нейкен стали основателями латышского хорового пения. Замечено, что в областях влияния гернгутерских общин записано очень мало народных песен: тут распространялись их тексты – мелодические, сентиментального содержания. Однако имеются свидетельства и тому, что гернгутерство не уничтожало народные песни, более того, в несколько преобразованном виде они, как и некоторые аграрные обряды, даже вводились в литургию.

Первая половина XIX века

Начало XIX в. было ознаменовано появлением первого латышского светского издания стихов – «Песен Слепого Индрика» (1806 г.).

В это время произошли некоторые события, важные для повышения общественной роли латышского языка. Прежде всего, это было формирование периодической печати, появление первой латышской газеты «Latviešu avīzes», основанной пастором Карлисом Ф. Ватсоном в 1822 г. (издавалась в Митаве – современной Елгаве).

Развивалось образование на латышском языке. В 1820-е гг. Х. Ульманн открыл педагогическое училище, готовившее учителей начальной школы для латышской деревни. Колоссальную роль разветвленной сети школ (существовавших в Ливонии с XIII в., по образцу немецких, а в Риге – с XVI в.) в стандартизации латышского языка отмечает П. Дини: «Нигде больше учителя не оказали такого влияния на формирование национального самосознания»⁴¹.

Наконец, начали формироваться просветительские, культурные организации; в 1829 г. возникла *Latviešu literāriskās (Latvieši Draugu) biedrība* («Латышское литературное общество / Общество друзей латышей»), призы-

вавшее латышей сохранять свой язык и народ, не онемечиваться (здесь речь во многом шла о сохранении латышей как подчиненного сословия; так, в это время быть латышом практически всегда означало быть крестьянином, а отмена крепостного права угрожала размыванию сословной системы общества⁴²). Еще с 1824 г. *Latvieši Draugu biedrība* (в лице, в основном, лютеранских пасторов), включило в свои планы систематическое изучение латышского языка и фольклора⁴³.

В 1840-е гг. в Остзейских губерниях серьезно обострилась общественная ситуация; в частности, одним из полей преобразования стал язык; сложившееся положение было обозначено позднее исследователями как «языковая война», участниками которой стали немецкий, русский и латышский языки⁴⁴. Несколько вырос интерес латышей к русскому языку – отчасти инспирированный государственной акцией, поддерживавшей переход латышей в православие (т. н. конверсия 1840–1850-х гг.⁴⁵), отчасти выросшими возможностями карьерного роста и укрепления экономического положения местных жителей в иных местах Российской империи.

В это время начинается развитие индоевропейского языкознания; балтийские языки (прежде всего, литовский) попали в ареал научного интереса.

1850–1870-е гг.: Начало стандартизации и научного изучения латышского языка

В середине XIX в. наступил новый этап в истории развития и латышского языка, и латышского народа.

Французская революция 1848 г. и последующие события ознаменовали кардинальные общественные перемены в большинстве европейских стран. В России наступила эпоха царствования Александра II; это было время начала реформ, конца Крымской войны, расцвета издательского дела (Герцен, Катков и многие другие).

В Остзейских губерниях это время – *Tautiskais laikmets* («народнический период») – было примечательно тем, что появились латыши, получившие немецкое образование, но не ставшие при этом немцами (до этого известны единичные случаи образованных латышей, в частности, Слепой Индрик, живший в 1783–1828 гг.). Теперь же массовое образование, в т. ч. и университетское становится нормальным явлением.

Существенные перемены начали происходить в латышском языке. В среде молодой латышской интеллигенции сформировалось стремление спасти свой язык от исчезновения, осваивать и использовать его гораздо шире, чем прежде, создавать латышские тексты на самые разнообразные темы, в ряде случаев приспособляя язык (путем новообразований на основе живой речи и грамматики) к современности. Лексику, если таковой не имелось в латышских диалектах, они заимствовали из европейских, литовского или даже древнепрусского языков, а грамматические формы – нередко из русского, который, «будучи хоть и иным, чем балтийские языки, все же более всего согласуется с ними, чем с другими неславянскими языками»⁴⁶.

Ведущую роль в языковых преобразованиях сыграли младолатыши – образованные люди, энтузиасты, не утратившие связь с латышами-крестьянами, способствовавшие латышскому этнокультурному возрождению. Движение младолатышей возникло среди студентов Юрьевского (Дерптского, Тартуского) университета (в середине XIX в. здесь училось около 30 латышей). До сих пор обреченной была практика их онемечивания; первым изменил положение Кришьянис Валдемарс, за ним последовали Юрис Алуанс, Кришьянис Баронс, Закарович (редактор «*Latviešu avīzes*» в 1870-е гг.), Юрьянс (врач в Пиебалге, активный участник кружка писателей); в этом же кружке еще участвовали Берзиньш, Фрейбергс, Куршевиц, Гетлерс, Гринхофс, Гесс, Калныньш, Винкс, Зонненбергс. Они собирались, чтобы обсуждать вопросы образования и хозяйствования, возможности улучшения положения латышских крестьян и в целом – проблемы общественной жизни и экономики. Поэзией здесь занимались мало, хотя многие студенты писали стихи и прозу (например, Ю. Алуанс поступил в университет, желая заниматься языком, но под влиянием К. Валдемарса перешел на факультет народного хозяйства). Почти все латышские студенты писали публицистику, сотрудничали с различными газетами. Определенный интерес они проявляли и к составлению словарей. Сам Кришьянис Валдемарс уже в 1870-е гг. издал «Русско-латышско-немецкий словарь» (1872) и «Латышско-русско-немецкий словарь» (1879).

Среди младолатышей был человек, которого считают основателем нового латышского литературного языка – поэт, писатель, общественный деятель **Юрис Алуанс** (1832–1864). Язык для него был божественной сущностью, чрезвычайно важным, отличающим человека от животных явлением⁴⁷. Во всех своих трудах он писал, что следует беречь и развивать латышский язык; признавая, что в нем отсутствуют обозначения многим явлениям, он указывал, что сохранилась его крепкая основа. «Берегите и уважайте язык своих отцов, и хорошо вам будет жить на земле. Ведь кто не уважает себя, того и другие не уважают», – так он воспитывал своих читателей. В газетных статьях 1865 г. Алуанс призывал развивать сеть средних школ на латышском языке.

В 1856 г. в Дорпате (Тарту) Юрис Алуанс опубликовал небольшую книгу (72 стр.) «*Dziesmiņas latviešu valodai pārtulkotas*» (буквально – «Песенки, переведенные на латышский язык»). фактически, этот сборник стихотворений был первым изданием стихов латышского автора. Это были переводы, в т. ч. один с латинского языка (из Горация), а также стихи Гейне, Гете, Уланда, Лермонтова – всего 38 текстов, к 22 из них были приложены оригиналы. Сборник открывался предисловием, а также очерком о латышском языке Алуанса. Эту книгу читали не только латыши, но и многие немецкие студенты, пасторы, она считается началом латышской национальной литературы.

Автор предварительно изучил историю латышской литературы и пришел к выводу, что и письменный язык, и литература очень

сильно отличаются от устной речи, искусственны, смешанны; кроме того, он отметил, что вообще имеется мало хороших знатоков латышского языка (сравнимых, например, с Г.Ф. Стендером). «Уже с самого детства я начал думать о латышском языке и опять думать, и снова думать», – признавался Алуанс. Он стремился очистить латышский язык от «чужого хлама»; но для этого понадобилось создать новый способ развития языка.

Алуанс создавал неологизмы, искал формы в литовском языке, подбирая в диалектах форманты для словообразования; он ввел в употребление около 500 слов⁴⁸. Многие из им придуманного не прижились, осталось только в рукописях, в списках «viedamo vārdu saraksts». Кроме того, сам поэт редко использовал слова из своего списка. Тем не менее, часть слов прижилась, хотя некоторые и в ином значении; так, слово atdalījums означало у него «отделение, отряд», rakstība – «опись, инвентарь», balvot – «одарять», jauktība – «впечатлительность», grāva – «право», izdevums – «измена».

Благодаря творчеству Алуанса, как отметил К. Мюленбах, языковед конца XIX – начала XX вв., латышский язык упростился и улучшился. Он же первый привлек внимание к тому, что иностранные слова следует преобразовывать для использования в латышском. Он же рекомендовал убрать звук «z» из многих слов («soneta», не «zoneta»), латинизировать некоторые имена (Прометейс, Венера) и названия месяцев (Janvar, Merz, April, Mei – Janvāris, Marts, Aprīlis, Maijs), поставил вопрос об изменении орфографии (в послесловии к «Песенкам»).

Другой выдающейся фигурой в развитии латышского языка середины XIX в. был **Август Йоганн Готфрид Биленштейн (1826–1907)**, пастор из Добеле, долгие годы бывший председателем Латышского литературного общества, автор первой научной грамматики латышского языка⁴⁹, составленной по образцу работы Шлейхера с применением сравнительно-исторического метода и изданной в Берлине.

Кроме того, пастор Биленштейн издал несколько ценных этнографических работ (о границах латышских земель, о деревянных предметах и крестьянской архитектуре), сборники текстов народных песен и загадок. Чрезвычайно высоко оценил его вклад в научное изучение основ латышской культуры, и прежде всего в многостороннее описание латышского языка, историк культуры Янис Креслинш.

Существенные преобразования в середине XIX в. произошли в латышской периодике. В 1846 г. была закрыта газета «*Латвиешу лаяжу драугс*», на латышском языке оставалась всего одна газета – «*Латвиешу авизес*», которой с 1849 г. руководил Р. Шульц. В то же время в Лифляндии выходила немецкая пресса: газеты «*Балтише Монатсшрифт*» (*Baltische Monatsschrift*), (ею руководил Берхольц) и «*Ругаешие Цайтунг*» (*Rugaesche Zeitung*) (под руководством Экардта). Тем временем рос интерес общества и, прежде всего, читающих латышей, к периодике.

В 1856 г. появился серьезный соперник и противник немецкой прессы – газета «*Маяс виесис*» («Домашний гость»). Первый номер которой вышел 2 июля 1856 г.

Ее начал издавать книгопечатник Хартунг вместе с Ансисом Лейтансом, за те же деньги, что и «*Латвиешу авизес*», но вдвое большую по объему. В ней печатали в основном информацию о сенсациях, пожарах, наводнениях, сновидениях, балах для пожилых дам, а также анекдоты. Но уже во втором номере было опубликовано стихотворение без подписи под названием «Латышское общество» («*Latviešu biedrība*»), где пелась слава «тем честным мужам, кому радостно заботиться о народном счастье, о “чистых латышских сынах народа”».

*Mēs latvieši! Un pie šī vārda
Mēs mūžam draugi paliksim
Kas tautas godu kājām spārda,
To vārguli nožēlosim**

В следующих номерах отмечалось, что эту газету «латышу дает латыш», она – на понятном латышском языке, без труда воспринимается читателями. Например, в 21 номере газеты было напечатано стихотворение «Радость видземца» («*Vidzemnieka prieks*») с такими словами:

*Vācu vārdu nedzird gan, –
Nej' es tos ar prasu?..
Valoda tur rīktīga,
Nav vairs vācu mietu;
Vaicāt nekam vajagi:
Kā būs prast so vietu?**

В августе 1856 г. к изданию газеты присоединились студенты из Юрьева: вышла статья Ю. Алуанса «Слово о холопах» (8 номер, 20 августа) о том, что о рабочих следует лучше заботиться, открывать библиотеки, школы для детей, помещали практические советы (как охранять скот от пожара, как использовать крапиву), научно-популярные сведения, а также рассказы об истории древних народов. Алуанс писал статьи о латышском языке, призвал латышей, получивших немецкое образование, не стыдиться принадлежности к своему народу.

Но эта сильная пролатышская направленность была подавлена уже к 1860 г. Пастор Шульц еще в 1856 г. в своем циркуляре привлекал внимание духовенства к такой ориентации газеты: «Не столько “Маяс виесис” нам опасен, сколько определенное движение в на-

роде». Дебнерс, пастор из Калснавы, считал, что эта газета потрясает основы государственности. Пастор Браше в «Балтише Монатсшрифт» в ноябре 1861 г. анализируя латышский литературный процесс, писал, что образованная латышская молодежь не может противостоять «колдовским формулам времени – эмансипация, национальность, реализм».

Другой газетой латышского национально-го пробуждения стала ежедневная газета «*Петербургас авизес*» («Петербургская газета»), выходившая в Санкт-Петербурге с 1862 по 1865 гг. Благодаря столичным связям, ее цензором был назначен сам Кришьянис Вальдемарс. Но скоро газету пришлось закрыть, в ней ставились национальные вопросы, критиковались «стыдливые латыши», стыдившиеся принадлежности к своему народу. Провозглашалась также идея, что латыши должны стать собственниками своей земли.

Выдающейся личностью в истории развития латышского языка стал **Атис (Отто) Кронвальдс (1837–1875 гг.)**. Он был одним из основателей латышского национализма, борцом за сохранение и развитие латышского языка и образования, хотя и не получил систематического законченного образования. Карлис Кундзинш, опубликовавший о нем в 1905 г. биографическое исследование, называл его «талантливым дилетантом».

А. Кронвальдс родился в Курземе, уезд Дурбе. В 13 лет его взял на воспитание немецкий пастор Катерфельд. Кронвальдс учился (всего полгода) в Берлинском университете, потом работал домашним учителем в пасторской семье в Дурбе, сотрудничал с немецкими газетами. Первой его книгой был учебник немецкого языка «Маленький немец» в 1863 г. В эти годы Кронвальдс еще плохо знал латышский язык.

В 1863 г. (год польского восстания) наступил критический момент в истории латышского языка, поскольку ландтаг принял решение об укреплении позиций немецкого в Лифляндии и о переводе все средние латышские школы на немецкий язык обучения.

В середине 1860-х гг. Кронвальдс порвал связи со своими работодателями и с немецкими газетами; в 1867 г. он стал работать учителем в семинарии школьных учителей в Юрьеве, участвовать в издании латышских газет, в частности «*Драугс ун Биедрис*» («Друг и товарищ», руководимой Брауншвейгом и издававшейся до 1869 г.).

Тут он обращается к изучению латышского языка, к словотворчеству, начинает изобретать неологизмы, и хотя часть из них не прижилась (*Kosma* – *Ordnung*, *lausma* – *Vorteil*), многие вошли в латышский литературный язык. Он искал лексику в диалектах, в архаизмах, заимствовал слова из литовского и древнепрусского языков⁵⁰.

Кронвальдс сотрудничал с газетой «*Балтияс вестнесис*», писал статьи о латышском языке и народе. В 1873 г. продолжал издание начатого Ю. Алуансом альманаха «*Sēta, Daba, Pasaule*». В 1873 г. он активно участвовал в Первом всеобщем празднике песни. На указание Я. Цимзе, что за этот праздник следует благодарить немецкие школы, отвечал, что в первую очередь эта честь принадлежит

* «Мы латыши! И под этим именем / Мы навечно, друзья, останемся / Кто честь народа пинает ногами, / О том, несчастном, будем сожалеть». (Перев. мой – С.Р.)

** «Радость видземца»: «Немецких слов не слышно, – / Разве я их прошу?.. / Язык там – справный, / Нет более немецких заковык; / Не нужно спрашивать у кого-то - / Как это место понимать?...» Заметим, что одно из центральных слов этого стихотворения – «справный, хороший», лтш. *riktīga*, является очевидным германизмом.

латышам, «духу народа». Кронвальд спорил с Биленштейном, назвавшим латышские народные песни «детскими песнями»; указывал на их благородное величие. Образовалась некоторая пропасть между поколениями – строителями праздника... Тем же летом 1873 г. Кронвальда выбрали руководителем собрания латышских учителей.

Итак, с одной стороны, труды младолатышей, а с другой – А. Биленштейна стали первым этапом стандартизации латышского литературного языка, на котором закрепился вектор формирования латышского литературного языка на основе среднелатышского диалекта, областей Валмиеры (в Видземе) и Елгавы (в Земгале). В это время в латышскую лексику проникло огромное число инноваций, начала формироваться научная и публицистическая терминология, была заложена основа литературной нормы, причем определилась ориентация на устную, и прежде всего, народную поэтическую речь. Не менее важным было индивидуальное творчество по словообразованию и стилизации, опиравшееся на различные соседние языковые культуры, в особенности же на родственные латышскому балтийские языки, но отчасти – и на славянские. Младолатыши начали переработку синтаксиса старых латышских текстов, находившихся под сильным немецким влиянием. Пересматривались и орфографические, и фонетические нормы⁵¹. Наконец, это время можно считать весьма знаменательным в истории развития латышской прозы: в 1879 г. вышел в свет первый латышский художественный роман – «Времена землемеров» братьев Рейниса и Матисса Каудзите.

Конец XIX – начало XX вв.: 1870–1918 г.

Одним из самых значительных процессов этого времени, оказавшим большое влияние на развитие языка, был инспирированный, с одной стороны, младолатышами, а с другой – поддержанный исследовательскими и культурными обществами, а также музеями Москвы и Санкт-Петербурга, сбор латышского фольклора, устной словесности. Этим занимались Фрицис Трейланд-Бривземниекс, Кришьянис Баронс и Генрих Висендорф, другие собиратели и издатели. По сути дела, был собран, а в определенной мере и создан ряд важнейших источников по латышскому языку, и прежде всего, собрание латышских народных песен, получивших название «дайны» («песни»); это название взято из литовского языка. Они обрели статус «латышской Библии», содержащей как образцы идеальной, поэтической, латышской речи (см. неологизм *dainot* – «говорить/петь дайнами»).

В 1870-е гг. берут свое начало Праздники песни, корнившиеся в песенной традиции протестантских общин, и в особенности модельных домов гернгутеров, но преобразованные в общелатышские и в целом светские праздники.

В это время же были созданы первые труды латышских писателей и поэтов, ставших ныне классическим наследием. Появляются произведения Аусеклиса, Пумпурса, Нейкенса, братьев Каудзите, Алсишу Екабса,

Адольфа Алунана, озаменовавшие дальнейшую латтонизацию латышского языка, как в языковом отношении, так и в тематическом⁵². Одновременно шел процесс стандартизации латышского языка, прежде всего и наиболее активно – его лексики.

Самым важным событием в истории латышского языка этого периода стала филологическая деятельность Ученой комиссии Рижского латышского общества. В 1876 г. вышел первый сборник ее статей, где активно обсуждались вопросы латышского языка.

Продолжалась традиция, заложенная младолатышами, – спонтанное словотворчество, особенно ярко развивавшееся в языке прессы. Создавалось много калек с немецкого и русского, шло формирование терминов на базе диалектных слов, создавались неологизмы, вводились культурные балтизмы из литовского и прусского языков, международные термины греческого и латинского происхождения. Шел сбор и классификация топонимов, исследовались диалекты различных латышских земель.

Обсуждая изменения в орфографии, Каспарс Биезбардис, Фрицис Трейланд-Бривземниекс и другие предлагали варианты перевода латышского языка на антикву. В 1908 г. при Ученой комиссии была сформирована Подкомиссия орфографии, где активно сотрудничали такие видные языковеды, как Карлис Мюленбах и Янис Эндзелин.

В 1904 г. Ученая комиссия учредила Подразделение по языкознанию (*Valodniecības nodaļa*) с задачей сохранять и развивать латышский язык (сбирать материалы, объяснять синонимы, обсуждать язык художественной прозы, образовывать термины). Это учреждение существовало вплоть до 1940 г. с перерывом во время Первой мировой войны в 1914–1922 гг. Сарма Клявина в статье, посвященной специальному исследованию филологической деятельности Рижского латышского общества, обозначает его как первый научный центр, нацеленный на сохранение и развитие латышского языка, формирование его норм, терминологии⁵³. Важнейшим трудом, выпущенным Подразделением по языкознанию, стал (к сожалению, не заверченный в силу внешних обстоятельств) многотомный словарь латышского языка, основу которого создал К. Мюленбах, а продолжил Я. Эндзелин.

В первые два десятилетия XX в. в развитии латышского языка было немало противоречий⁵⁴. Консервативно настроенная интеллигенция была против перемены в языке. Это были наиболее известные прозаики – Порукс, Ниедра, Блауманис. Прогрессивно настроенные, особенно – поэты (Аспазия, Райнис, отчасти Вилис Плудонис и все т. н. декаденты) выступали за модернизацию: сокращение длинных слов, фраз, за более динамичную речь. Появился новый список новообразований, ряд из которых впоследствии прижился в латышском литературном языке⁵⁵.

В 1880–1890-е гг. в Российской империи усилилась политика русификации. Собственно говоря, задача «обрусения окраин» имеет гораздо более старое происхождение; в Прибалтийских губерниях она была поставлена еще в конце XVIII в. Екатериной II (вскоре после ее поездки по этому краю в 1764 г.), од-

нако не в этноязыковом, а в политическом смысле слова, что было частью политики ликвидации обособленности этих земель от других частей Российской империи⁵⁶.

Однако фактические преобразования в языковой политике начались только в 1840-е гг.: в 1847 г. генерал-губернатор Прибалтийского края Е.А. Головин сделал попытку ввести русский язык в делопроизводство административного управления края, а в 1950 г. положением Кабинета министров русский язык был объявлен обязательным в делопроизводстве «коренных мест Прибалтийских губерний» (см. об этом подробное исследование историка Е.Л. Назаровой⁵⁷). Тогда этого фактически не произошло, но в 1870-е гг. русификация усилилась. В 1874 г. русский язык стал обязательным в программах всех средних школ Прибалтийского края, в 1890-е гг. уже можно говорить о реализации этого положения на практике. В Литве и части Витебской губернии (Инфлянт) был введен запрет печати на латинице.

В 1850–1860-е гг. была сделана попытка (правда, не укоренившаяся) перевода латышского языка на кириллицу: Янис Спрогис (1836–1918 гг.) и Фрицис Бривземниекс издали в 1860-е гг. сборники латышских фольклорных текстов на кириллице⁵⁸. Тогда это обосновывалось представлениями о единой «лето-славянской» семье языков и стремлением славянофилов к слиянию балтийских народов с русскими (об этом писала газета «Московские ведомости», правда, там же выражалось и другое мнение, ратующее за развитие латышского языка⁵⁹). Языковед Э. Блесе отмечал, что в это время усилилось влияние русского на латышский язык, и начал образовываться межпоколенный разрыв среди латышской интеллигенции, бывшей ранее под влиянием немецкого, а теперь – русского языков⁶⁰. Особой остроты эта ситуация достигла в конце 1890-х – начале 1900-х гг.; в годы Первой мировой войны тенденции к русификации были тоже довольно сильны⁶¹.

Обучение русскому языку жителей империи в связи с распространением образования и экономическим ростом страны – это не русификация, а т. н. «рационализация языка» (согласно подходу, используемому, в частности, Дэвидом Д. Лэтином). В Российской империи процессы, которые можно обозначить как рационализацию языка, начались позднее многих других стран, балтийские окраины затронула довольно слабо (не считая, конечно, периода запрета на латинскую печать в Литве и Витебской губернии), и уже в конце 1880-х гг. по сути дела преобразовались в русификацию, идущую из центра.

Наиболее ярко линию рационализации отстаивал Кришьянис Вальдемарс⁶², позицию которого Е.Л. Назарова обозначила как стремление к «обросению»⁶³, т. е. формированию двухуровневой языковой культуры в Прибалтийском крае: укрепление латышского и эстонского языков на низовом уровне, в системе начального образования и повседневного использования, и укрепление русского языка как государственного, общеперского, дающего возможности для массы латышей и эстонцев карьерного роста и соци-

альной мобильности. Однако эта модель не была реализована на практике, и в 1890-е гг. в делопроизводстве и управлении уже шла массовая, ускоренная замена немецкого языка русским, что происходило в результате не культурного образования местного населения, а наплыва новых чиновников из России.

Параллельно с постепенно усиливавшейся политикой русификации не исчезала и другая форма отношений метрополии с Прибалтийским краем, сформировавшаяся еще в эпоху Петра I: Прибалтика служила образцом для вестернизации и модернизации, выступала культуртрегером для самой России (об этом подробно говорится в работе Г.В. Ибнеевой).

Можно сделать вывод, что начиная с 1860-х гг., и особенно позднее, в 1870–1880-е гг., в Прибалтийском крае мы видим одновременное усиление всех тенденций: политики русификации, отставания привилегированной позиции местного немецкого управления и языка, и на фоне этой борьбы – рост национального самосознания и языковой культуры балтийских народов.

В это время усиливается научный интерес к латышскому языку. Исследованием балтийских языков занимались Фортунатов в Москве, профессор Беценбергер в КПНисберге⁶⁴, чешский профессор Зубатый в Праге. Были изданы памятники XVI–XVII вв.; началось систематическое изучение диалектов, древних, уже исчезнувших, балтийских языков.

На конец XIX в. приходится начало деятельности национальных языковедов. Первыми академически образованными латышами-языковедами были **Екабс Лаутенбах-Юсминьш** (1847–1928 гг.), который писал художественные произведения, а в 1881 г. редактировал журнал «*Пагалмс*», **Екабс Велме** (1855–1928 гг.), с 1885 г. редактор выходившего в Москве латышского журнала «*Ауструмс*».

Наконец, в 1890-е гг. появились труды **Карлиса Мюленбаха** (1853–1916), занимавшегося фундаментальным изучением и модернизацией латышского языка. Он учился в Елгавской классической гимназии, изучал в Юрве языковедение, преподавал в Талси, Елгаве, Риге. Мюленбах был автором фундаментальных трудов по латышскому языковедению, грамматике, созданной вместе с Эндзелином к 1907 г. Особое внимание он уделял синтаксису, изучая устную речь, приглашая крестьян из всех областей Латвии. Главным трудом его жизни был словарь, который начал публиковаться с 1923 г., и был доведен Мюленбахом до слова «*patumšs*», продолженный уже Я. Эндзелином.

В 1908 г. началась реформа латышского письма, была изменена орфография. Отныне в основу латышской графики была положена антиква с дополнительной диакритикой, указывающая на долготу гласных и мягкость согласных.

Особую историю имели верхнелатышские диалекты, распространенные в восточной области расселения балтийских народов – Латгале, земли которой входили в польскую Инфлянцию, а после раздела Польши – в Витебскую губернию Российской империи. История латгальского письменного языка начинается с XVI в.; в XVIII в. сложилось *койне* верхнелатышских диалектов. Непрерывная традиция формирования нормы фиксируется с появления в 1730 г. первых письменных текстов – литургических гимнов «*Evangelia Toto Anno*» Я. Лукашевича, изданных в типографии Вильнюсской академии в 1753 г. До 1865 г. длился период «старолатгальского», важнейшим памятником которого был календарь Мантейфеля 1865 г. С 1865 до 1904 гг. здесь, как и в Литве, действовал запрет печати на латинице. Она ввозилась нелегально и переписывалась от руки. С от-

меной этого запрета в 1904 г. начались возрождение местных языков и стандартизация (длящаяся вплоть до нашего времени). После Второй мировой войны область употребления латгальского языка сильно сократилась; в 1960-е гг. им немного пользовались только в церквях во время литургии; практически исчезла латгальская печать (осталась немного в эмиграции). Следует отметить, что со второй половины 1980-х гг. она начала возрождаться. Оживилось среди языковедов и культурологов изучение проблем латгальского языка, а главное, его лингвистического статуса: либо это отдельный язык, либо ряд диалектов.

В материалах латвийского Центра государственного языка, подготовленных в 2002 г., отмечается особая роль периода Первой мировой войны в истории латышского языка: «Однако, как и идея о независимом государстве Латвия, мысль о латышском языке как единственном официальном языке на территории проживания латышей, получает широкое признание только во время Первой мировой войны. Годы Первой мировой войны на территории Латвии было временем не только жестокой борьбы, но и острой конкуренции языков, когда началась бескомпромиссная борьба между немецким, русским и уже набравшем силу латышским языками. Первый декрет о наделении латышского языка официальным статусом был опубликован 4 января 1918 г. в так называемой Республике Исколат в Валке. По нему латышский язык обрел равные права с немецким и русским языками»⁶⁵. И здесь язык является очевидной метафорой власти. Однако фактическая реализация заложенных в это время идей, в т. ч. поднятия социального статуса латышского языка, оказалась возможной только после обретения Латвией независимости.

ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: 1918–1940 гг.

Сложные исторические процессы начала XX века, в результате которых начались преобразования в Российской империи, конец ее существования и территориальный раздел, привели при поддержке европейских стран к формированию независимых балтийских республик. Латыши впервые в истории получили возможность начать самостоятельное государственное строительство.

В ноябре 1918 г. был образован Народный совет Латвии, а 18 ноября было провозглашено построение Латвийского государства. Важным этапом в признании государственности Латвии стали решения Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. В течение 1920 г. многие страны подписа-

ли с Латвией официальные договоры об установлении дипломатических отношений. Окончательное решение о признании независимости Латвии и Эстонии Высшим советом Антанты было принято 26 января 1921 г.; тогда же новые республики были приняты в Лигу Наций⁶⁶.

Вместе с созданием Латвийской республики социальный статус латышского языка повысился. Языковеды Беларди и Дини указывали, что в это время названия «латышский» и «литовский» начинают обозначать не только говорящие на данном языке общности людей, но и «общие, вновь образованные языки» – соответственно языки латышской и литовской наций⁶⁷.

В это же время продолжались научные исследования, появились труды Андрея Стер-

сте, Яниса Эндзелина, Екабса Дравниека. Важным событием этих лет стала публикации первой многотомной энциклопедии на латышском языке (*Latvijas Konver-sācijas Vārdnīca*).

В 1919 г. официально закрепилась измененная, реформированная орфография и система латиницы – шрифт антиква с диакритическими знаками (всего 34 буквы).

Характерной для этой эпохи стала апология латышского языка (аналогичное отношение можно наблюдать в истории становления сербо-хорватского, словенского и многих других языков Восточной Европы). Вот как о языке и о «духе народа» писал языковед Эрнестс Блесе: «Наш язык отражает дух народа хорошо и позитивно. Основы нашего духовного мира отражены в языке твердо и определенно, в серьезном отношении к жизни, одухотворяющем закономерности жизни и непоколебимую радость трудиться. Уже более тысячи лет наш народ строит на них свою жизнь, и нет сомнений, что они хорошо приспособлены к построению народной жизни во все времена. Если мы сбережем их в изначальной чистоте и силе, то и после нас, следующие поколения смогут основывать на них еще более яркое будущее, и образовывать еще более великие достижения духовной и материальной жизни нашего народа»⁶⁸.

В первой половине XX в. понятие *latviskot* («леттонизировать») относилось исключительно к языку, и только в дополнение, в виде метафоры, оно прилагалось к другим сферам культуры, а именно к изобразительному и исполнительскому искусству, пластическим формам.

Историк религии Людвиг Адамович, описывая возможности «леттонизации» языка религиозного культа и вообще религии, сближения «латышскости» (заклученной, по его мнению, в плане общественного объединения и выражения) и христианства (в плане содержания) отметил: «латышскость (...) заключается прежде всего в языке, что несет в себе латышское мировоззрение, миропонимание, образность»⁶⁹. Правда, кроме языка, пишет далее Л. Адамович, латыш-

ский характер могут нести звуки, цвета, линии и формы.

Одной из наиболее существенных тенденций в развитии балтийской филологии в 1920-е и особенно в 1930-е гг. была «летонизация» (*latviskošana*) самого латышского языка в духе умеренного пуризма⁷⁰. Прежде всего преобразованиям подвергались топонимика, ономастика и терминология. Шла унификация произношения, за норму был принят диалект центральных областей Видземе и Земгале. Активизировалась работа по очищению языка от заимствований. Уже значительно слабее проявлялась тенденция к словотворчеству в пользу стандартизации, кодификации, унификации. Этим в 1920–1940 гг. занималась Ученая комиссия Латышского общества, проводившая каждую неделю заседания по языкознанию, где обсуждались синтаксис, фонетика, правописание, летонизация терминов*. На основе диалектов, фольклора (главным образом, латышских народных песен), а также письменных источников (например, словари XVII в.) создавались новые термины, с использованием примеров и принципов словообразования из греческого и латинского языков.

В 1930-е гг. Э. Блесе сделал вывод, что влияние чужих языков в основном устранено, и борьба должна идти только с остаточными явлениями в языке старшего и среднего поколений. Он писал: «Каждый год наш язык становится более национальным, единообразным, так как таковой же становится и наша интеллигенция, а новый литературный язык – довольно правдивое и адекватное отражение духа этой современной интеллигенции»⁷¹.

Проводилась мысль, что раньше наиболее полно можно было выразить себя только при помощи других языков, теперь же – можно и по-латышски. «Только теперь впервые за многие столетия у нас сформировалось единство осознанной духовной жизни нашего народа, можно сказать, даже нации, и языка, и вместе с этим – единооб-

* Далеко не все из них прижилось, например, *izpletnis* – «парашют», *krītširmis* – «зонт».

разие всей духовной жизни. Это единство – становой хребет нашего литературного языка... это ее объединяющий и упорядочивающий фактор... Наш язык таков, какова наша интеллигенция. Язык обрел высокую степень “латышской правильности” (*latviskā pareizība*), стал более абстрактен, точен и литературен»⁷².

Большое внимание в республике уделялось среднему и высшему образованию, и в связи с этим чистоте и «латышскости» латышского языка. Я. Эндзелин полагал, что уроки латышского следует посвящать правописанию, правильному произношению и чистоте языка*. Латышский язык стал национальным символом и, в определенной мере, – святыней. Крупным образовательным и исследовательским центром стал открытый в 1924 г. Латвийский университет, на Факультете филологии и философии которого под руководством Я. Эндзелина открылось Балтийское отделение.

Тем не менее, межвоенная Латвия, особенно до переворота в мае 1934 г., была в высокой степени многоязычным государством. В период парламентской демократии депутаты Учредительного собрания и Сейма могли говорить на латышском, русском и немецком языках. Еще большее и глубокое многоязычие имело место в повседневной жизни многоэтничных городов и ряде областей Латвии. Так, в Риге довольно обычным делом были газетные объявления о найме прислуги с условием владения ею двумя и даже тремя языками.

В связи с миграцией из Советской России, а затем и СССР, вырос поток людей, двигавшихся через территорию Латвии на Запад. Некоторые оседали здесь, возросло число русских жителей республики. Если в 1920 г. здесь насчитывалась 91 тыс. русских, то в 1935 г. – уже 206,4 тыс. Только около 15 % из них владели латышским языком, такой необходимости не было⁷³. Широко действовали пять этнокультурных автономий (русских, белорусов, евреев, немцев и поляков), работало множество наци-

ональных школ, на разных языках издавалась периодическая печать.

В 1920-е гг. обсуждалась возможность придать латышскому языку статус государственного, и это фактически произошло в рамках усиления авторитарной власти после переворота 15 мая 1934 г., разгона парламента и укрепления власти президента Карлиса Ульманиса. В 1935 г. был принят закон о латышском языке как государственном. Тем не менее, продолжали действовать национально-культурные автономии; начальное и среднее образование в Латвии можно было получить, кроме латышского, на одном из семи языков: русском, немецком, польском, еврейском, литовском, белорусском.

ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: 1940–1980-е гг.

Планы советского руководства о присоединении земель балтийских республик были конкретизированы уже в 1938–1939 гг. В секретном протоколе договора 1939 г. между СССР и Германией, наметившим территориальные границы передела в Европе, балтийские республики переходили в сферу влияния СССР. 17 июня 1940 г., нарушив латвийско-российский договор 1920 г. и Договор о ненападении между Латвией и Советским Союзом от 1932 г., СССР ввел в Латвию войска. Аннексия была проведена при поддержке оперативной группы НКВД, действовавшей в Риге с мая 1940 г. 20 июня было сформировано марионеточное правительство Аугуста Кирхенштейна, которое начало ликвидацию большинства общественных и политических организаций Латвии.

Окончательное изменение государственного строя было провозглашено на заседании Сейма 21 июля, что и было подкреплено направлением делегации депутатов т. н. «Народного Сейма» в Москву 20 июля⁷⁴. Началась национализация земли, конфискация предприятий, ликвидация денежной системы (с резко возросшей ин-

* Одним из лучших примеров была грамматика Валерии Берзини-Балтини 1942 г.

фляцией), к маю 1941 г. была полностью уничтожена частная торговля, разорены многие сельские хозяйства, стала насильственно вводиться система колхозов. В 1940 г. из Латвии было депортировано в Сибирь около 50 тыс. чел. (а в 1949 г. — еще около 55 тыс.⁷⁵). Десятки тысяч жителей Латвии покинули родину, сформировав различные по величине и сплоченности группы латвийской эмиграции в скандинавских странах, Германии, США, Канаде, Австралии и других странах мира.

Уже в 1940 г. русский язык вошел в официальное делопроизводство Латвии, в политическую и административную сферы. Были ликвидированы все работавшие тут национально-культурные автономии и их образовательная система.

22 июня 1941 г. на территорию Латвии (и других западных земель СССР) вторглась гитлеровская Германия, и началась вторая аннексия иностранными государствами прибалтийских республик. К 8 июля 1941 г. германские войска заняли практически всю территорию Латвии, и установили оккупационные режимы. 18 августа 1941 г. рейхскомиссар Остланда Х. Лозе издал указ, в котором объявлялось, что официальным языком в государственных учреждениях Латвии становится немецкий. Специальное сообщение Восточного министерства предписывало: сотрудникам немецких оккупационных учреждений не нужно изучать местные языки, т. к. предполагалось, что вскоре все население здесь будет говорить по-немецки⁷⁶. По инициативе балтийских немцев многие улицы Риги были переименованы (так, появились улицы Адольфа Гитлера, Вальтера Плеттенберга, Германа Геринга, Аллея Рыцарского ордена и т. д.). С 1941 по 1944 гг. политика немецкого оккупационного режима существенно зависела от фронтовой ситуации; в июне 1944 г. начались наступление 1-го Прибалтийского фронта, а также во многом принудительная мобилизация местного населения; к сентябрю советские войска заняли значительную часть Латвии. Освобождение от немецкой оккупации ста-

ло началом возвращения Латвии в Советский Союз.

После войны началась массовая миграция населения из разных республик СССР, в основном, из Российской Федерации, в Латвию, прежде всего, в крупные города (Ригу, Даугавпилс, Лиепаю). Социолог В. Волков в исследовании истории русских в Латвии отмечает, что по сравнению с довоенной ситуацией, в основном, по причине миграции, численность русского населения увеличилась в 4,5 раза; их доля в этнической структуре республики увеличилась в 3,5 раза⁷⁷. Сюда переезжали и белорусы, украинцы, поляки, евреи, представители других народов; причем численность всех нерусских народов, считающих русский язык своим родным, в 1950–1970-е гг. увеличилась на 78 %⁷⁸.

Серьезные изменения, произошедшие в политической, экономической, этнодемографической ситуации советской Латвии сказались и на развитии языка. Латышский язык был лишен статуса государственного (этот статус формально был восстановлен в 1959 г. Президиумом Верховного Совета СССР, но в жизнь внедрен не был, и в Конституции ЛССР не был упомянут), он стал все менее необходимым и престижным.

Было расформировано Рижское латышское общество; до 1945 г. научные исследования языка продолжались в созданном еще в 1935 г. Архиве языка, а потом в образованном на его основе Отделении языка Института языка и литературы.

В большинстве современных обзоров языковой ситуации в советский период истории Латвии подчеркиваются почти исключительно негативные тенденции, безусловно, имевшие место. Прежде всего, это изменение этнодемографической ситуации, существенное снижение доли латышей в республике и прирост мигрантов, многие из которых заняли престижные рабочие места и должности в органах власти, однако не имели желания изучать латышский язык и находить общий язык с местными жителями.

*Этнический состав крупнейших этнических групп Латвии
с 1935 до 1989 года (%)⁷⁹*

	1935 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Латыши	75,50	62,00	56,70	53,70	52,04
Русские	10,59	26,50	29,80	32,90	33,90
Украинцы	0,10	1,40	2,20	2,60	3,40
Белорусы	1,38	2,90	4,00	4,40	4,40

Как видно из представленной таблицы, общий процент латышей в Латвии понизился с 75,50 % в 1935 г. до 52,04 % в 1989 г., численность русских в те же годы возросла с 10,59 % до 33,90 %, значительно возросло число украинцев и белорусов. Снижился общий процент других, более малочисленных этнических групп (поляков, евреев, литовцев, немцев, цыган, эстонцев) – с 10,3 % до 6 % в те же годы соответственно⁸⁰.

В советский период шел процесс русификации латышей; исследуя языковые процессы в советской Латвии, Л. Градулина и М. Семенова отмечают, что, по итогам переписи населения 1970 г., в Риге было 9213 латышей, считавших русский язык своим родным, и 4229 из них не владели латышским языком вовсе⁸¹. К 1989 г. латышским языком владели 22,3 % русских Латвии, в то время как в 1970-е гг. среди латышей русским языком владели 93,3 %⁸².

Русский язык занял более престижное место, стал более необходим и в экономической, и в юридической, а отчасти и в технологической сферах.

В материалах, подготовленных Центром государственного языка в 2002 г., делается вывод, что в советский период «в условиях реального двуязычия латышский язык мог полноценно функционировать только в культуре, семье и частично образовании. Таким образом, существование Латвии как национального государства было подорвано, и только в 1988 г. появилась возможность свободнее выразить свои мысли об этих актуальных и болезненных проблемах», а дальнейшие известные события привели к восстановлению независимости балтийских республик⁸³.

В целом создавшуюся ситуацию можно обозначить как частичный билингвизм⁸⁴, или **ассиметричный билингвизм**⁸⁵. Это была ситуация, с одной стороны, с официально привилегированным русским языком, а с другой – латышским дополнительным (в других республиках – эстонским, литовским и др.) языком, отодвинутым в своего рода лингвистическую и культурную «резервацию».

В латвийском обществе сформировалось неоднозначное отношение к сложившемуся двуязычию; нередко выражалась и положительная его интерпретация, в рамках которой подчеркивалась возможность гармоничного сосуществования двух языков⁸⁶. Однако возникло и языковое сопротивление, подчеркивавшее отрицательные для латышского языка результаты социального и идеологического давления новой власти и связанного с ней русского языка. Это выражалось, в частности, в таких формах воздействия, как цензура, запрет обсуждения многих тем и особенно – большинства аспектов истории 1920–1930-х гг., формирование и навязывание языку литературы и прессы некоего «новояза» – нового языкового стиля, базирующегося на фразеологии и лексике советской идеологической доктрины.

Негативное отношение вызывала русификация имен собственных, введение практики отчеств с русскими суффиксами, изменение названий мест и особенно переименование ряда городов и улиц с использованием имен революционных деятелей. Еще более отрицательную роль сыграло пренебрежение к латышскому языку миг-

пировавшего сюда после войны населения из разных республик СССР.

Отрицательные стороны билингвизма, и в особенности коллективного (имевшего место в Латвии), начали открыто обсуждаться только с середины 1980-х гг.; в частности, их подчеркнула Дзинтра Хирша в статье «Латышский язык в Латвии» (1989 г.). Она присоединилась к выводам (в принципе типичным для XIX в., но полностью опровергнутым западными исследованиями, проводившимися с 1960-х гг. В полемике Вадима Руднева⁸⁷, приведенной в работе Ю. Вийкберг и М. Раннута «Исторический аспект статуса языка»⁸⁸, отмечалось, что ранний билингвизм влечет за собой отставание в духовном и интеллектуальном развитии детей, ошибки в речи, меньший словарный запас, торможение языкового творчества и волевой функции, сложности при адаптации к новой среде. По мнению Д. Хирши, двуязычие является первым этапом отмирания языка, за которым следует диглоссия – потеря того из языков, который менее социально престижен и экономически необходим, – и далее – национальный нигилизм, т. е. неприязнь к родному языку, народу и культуре⁸⁹.

Тем не менее, нельзя сказать, что латышский язык (как и другие языки народов СССР) был уничтожен. Продолжала развиваться латышская поэзия, литература и публицистика (хотя и в стесненных обстоятельствах); высокого уровня достигли искусства театра, кино, хоровая культура. Значительными событиями в истории развития художественного слова и музыки были Дни поэзии, Праздники песни.

Продолжали работать комиссии по языку, занимавшиеся стандартизацией языковых норм, разработкой и унификацией терминологии и другими вопросами латышского языка. В советский период продолжали свой труд многие выдающиеся латышские филологи. Хотя, конечно, идеологический пресс лежал на всей гуманитарной науке страны, и языкознание тут не было исключением.

Все это дало возможность в 1970-е гг. языковеду латышской эмиграции Велте

Руке-Дравине отметить: «В результате более чем 400-летнего процесса развития латышский литературный язык превратился в современный многогранный язык культуры. Его литературная норма на сегодняшний день совершенно отлична как от диалектов, с одной стороны, так и от обиходно-бытового стиля и различных форм разговорного языка, с другой. Эта норма выработалась на основе множества словарей и грамматик в ходе работы, направленной на создание терминологии во всех областях знания. Она также является результатом деятельности различных лингвистических центров, следящих за чистотой языка в художественных изданиях и в печати, в театральных постановках и в школьных учебниках, а в последние десятилетия также и за соблюдением языковой нормы на радио и телевидении. Эта норма, наконец, создавалась на основе произведений многих латышских писателей»⁹⁰.

Все же отношение к латышскому языку в широких массах новых жителей Латвии, мигрантов, в годы советской власти было далеко не всегда заинтересованным и даже толерантным, что вполне соответствовало комплексу местных этнодемографических проблем и зачастую пренебрежительной позиции власти.

Хотя во всех школах Латвии существовал такой предмет, как латышский язык, широко известно крайне пренебрежительное к нему отношение; он фактически был факультативным (полное незнание латышского не препятствовало переводу в следующий класс), дети военных были вовсе освобождены от него*, да и многие другие школьники, по словам моих информантов, презрительно называли его «лабутским языком» и не стремились освоить⁹¹.

В результате в Латвии возникло психологическое напряжение, у массы латышей сформировался комплекс особой чувствительности к неуважению латышского языка, до сих пор подчас ощущается обида людей, слышавших в 1950–1970-е гг. в

* Это не было оформлено законодательно, это общая практика; мне об этом рассказывали десятки информантов – прим. авт.

свой адрес такие высокомерные и хамские высказывания новоприезжих: «говорите по-человечески!», «я не понимаю вашего собачьего языка!». Еще одним примером подобного отношения к латышскому языку являются анекдоты, подобные следующему, распространенные в русской среде Латвии в 1980-е гг.: « – *Как по-латышски будет троллейбус? – Troleibuss. – А автобус? – Autobuss. – А Ленин? – Lenins. А задница? – Dirsā. – Ну, и стоило ради одного слова язык изобретать?!*»

Именно в годы советской власти возник стереотип: «русское население Латвии не хочет учить латышский язык». Однако отношение к этому, как и последующие действия, были самым различными. Например, одной тактической линией было полное принятие и даже усугубление этой ситуации, сокращение часов обучения латышскому языку и в конце-концов перевод его в число факультативных предметов в русских школах.

С другой стороны, была предпринята попытка достижения баланса между языками. Стали создавать средние общеобразовательные школы с двумя потоками – латышским и русским, что, однако, во многих случаях вызывало скандалы: фактически, это были русские школы с «приклеенными» латышскими классами, и зачастую сложными отношениями и между преподавателями, и среди учеников. Многими латышами это расценивалось как форма русификации.

При этом в повседневном общении готовность латышей переходить на русский язык была весьма высока. Это наблюдалось в ситуации встречи с человеком или людьми, не говорившими по-латышски, или говорившими плохо, с ошибками. Я могу предположить, что здесь срабатывал либо адаптационный механизм (знаменитое умение латышей приспособиться ко всякой власти), либо, в скрытом виде, определенная охранительная мотивация, т. е. отношение к своему языку как святыне, доступной только своим. Мое исследование этнокультурных стереотипов 2000–2003 гг. под-

тверждает, что это, безусловно, – общественная и этническая тактика, которая расценивается или как высоко адаптивная, или же как форма предательства; то же самое в XIX в. было с немецким языком.

Кроме политического фактора в исследовании современной социокультурной роли латышского языка важно обратить внимание и на его эстетический аспект. Латышский язык в массовом сознании оценивается как красивый, правильный, чистый*. Известный симптом стремления к чистоте/правильности латышского языка можно объяснить эстетическим чувством: «мы, латыши, не любим слушать, как искажают наш язык», – признался мне философ и публицист, изучающий современную латышскую языковую культуру Илмарс Шлапинс⁹². Красота правильного языка подобна для латыша красоте возделанного сада или архитектурного здания (т. е. связана с восприятием формы, что очень важно для латышского вкуса). Правильность и красота приближают явление к состоянию священному. Так, в статье писателя Иманта Аузиньша «*Valodiņa Dieva dota*» («Язык Богом дан») 1997 г. речь идет о наплыве иностранных слов как о болезни языка (автор предлагает дать латвийское гражданство подобранным латинизированным терминам, заменяющим англицизмы типа *оффшор*, *ноу-хау*, *брифинг*), и возмущается неточностью словопотребления, ошибками в повседневной речи и в печати. «Живой язык подобен саду; сады бывают разные, но во всех имеются сорняки, их следует вырывать. Свой садик нельзя забывать. Языковеды это и делают»⁹³. Правда, И. Аузиньш пишет и о том, что освоение языка начинается с любви, и во всем, что касается речи, необходима толерантность.

В условиях идеологического давления, невозможности прямо обсуждать различные актуальные проблемы обострилось внимание ко всему, что происходит с ла-

* Не случайна в латышском генетическая близость корней лексем, означающих «красивый» и «чистый»: *skaists* / *šķīsts*.

тышским языком. Произошедшие во второй половине XX в. преобразования в латышском языке многими филологами, да и

не только ими, были восприняты чрезвычайно болезненно.

**Языковая компетенция титульных народов и русских в странах Балтии
(на основе данных переписи 1989 г.)⁹⁴**

Страна	Численность титульного населения	% владеющих русским языком	Численность русского населения	% владеющих титульным языком
Эстония	963 269	33,6	474 815	13,7
Латвия	1 387 647	65,7	905 515	21,2
Литва	2 924 048	37,4	343 597	33,5

Латышский язык воспринимается многими латышами как своего рода «последний бастион» этнической идентичности (не случайно писатель Гунтарс Годыньш сформулировал это в такой фразе, имевшей довольно широкую популярность: «bez savas valodas tu esi sūds» – «без своего языка ты – дерьмо»).

Можно предположить, что во многих случаях речь идет о своего рода метафоризации, о бессознательном замещении (если использовать термин психологии).

Вместо невозможного обсуждения неприятия советской власти и происходящих в обществе событий, обструкции подвергались произошедшие в латышском языке упрощения. Так, в 1946 г. было изъято из обращения палатализованное «t'», а в 1957 г. диграф «ch», встречающийся в заимствованных словах, был заменен одной буквой «h». Исчезло длинное «o», начала исчезать разница между широким (открытым) и узким (закрытым) «e». Филолог, ученица Яниса Эндзелина Расма Грисле уверена, что правописание упрощалось из-за политических причин: «поправление ошибок в произношении и правописании – внутренняя защита языка. Главная беда – у нас по сути дела не достает патриотизма. Он более не в моде»⁹⁵. В интервью, опубликованном в субботнем приложении к газете «Диена» – «Сестдиена», она отмечает: «Игнорировался принцип “Цезарь не сильнее грамматики” (Caesar non suprà grammaticos) –

“власть не может менять грамматических принципов”». Мюленбах писал: «Распущенность и лень – истинная причина не смягчения мягкого *r'* ... и еще эгоизм (правило, аналог смягчению *l*). Уже несколько лет тому назад мы с языковедом Кушкой и дирижером Робертом Зуйкой были у тогдашнего министра образования Гринблата. Он понял проблему, но принялся говорить о силах – за и против. Но ведь тут же важно не количество голосующих, а сила аргументации! Уничтожение мягкого *r'* и *ch* снижает качество латышского языка и правописание, разрушает систему»⁹⁶.

Я думаю, мягкое *r* для Расмы Грисле, как и для других сторонников пуризма, связано главным образом с периодом первой Латвийской Республики, своего рода мифическим «золотым веком» обретенной государственности, а также с глубоко чтимой личностью языковеда Яниса Эндзелина, выделявшего его как на письме, так и устно. Мягкое *r* иногда сохраняется в языковой культуре некоторых латышей – самого старшего поколения эмиграции. Однако оно уже практически совершенно исчезло в современной нормативной латышской речи, и произошло это отнюдь не по идеологическим соображениям, а в ходе естественной эволюции языка.

Другой враг, с которым борются ревнители чистоты латышского языка, это варваризмы, происходящие, по мнению Р. Грисле, из-за недостатка вкуса и национально-

го самоуважения: «Полученную “свободу слова” многие понимают как возможность произносить все слова, которые только приходят на ум – варваризмы, испорченные слова, даже бесстыдные». Не меньшую проблему целостности латышского языка создала интенсивная за последние полвека интерференция с русским языком, происходившая на всех уровнях языка (в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе), и оказавшая отрицательное воздействие. В целом же Р. Грисле отмечает, что «за последние полвека наш язык доведен до катастрофического состояния: из шести существующих этапов уничтожения мы находимся в середине четвертой, как недавно признано международными стандартами. Испорченное правописание вредит качеству языка и неоспоримо ведет к уничтожению родного языка, а вместе с языком исчезает и народ. Не все в мире заботятся о нашем существовании, не всем оно нравится. Поэтому сегодня, как никогда, нам нужны талантливые, глубоко образованные, неэгоистичные преподаватели латышского языка, чтобы научить наших детей родному языку, опять чистому и по-латышски богатому»⁹⁷.

Особенно показательно воспроизводят ощущение катастрофы с латышским языком многие латышские эмигранты, покинувшие родину в 1940-е гг., и долгие годы оторванные от естественной языковой среды. Особенно категоричны в этом отношении сочинения Айварса Рунгиса⁹⁸.

В 1930-е гг. в эмигрантской среде произошла весьма характерная консервация латышского языка, переданная молодому поколению с помощью летних лагерей, курсов латышского языка, Праздников песни за пределами Латвии и повседневного общения в семье (подчас настойчивого и даже отчасти жесткого требования говорить по-латышски). Среди латышских эмигрантов было немало ученых – историков, культурологов, филологов (Х. Биезайс, А. Йохансон); здесь было создано немало важных научных трудов, публицистики, художественной прозы и поэтических сочинений.

Научный интерес к латышскому и другим балтийским языкам рос и в академической среде России, Германии, ряда других стран мира. В Москве начиная с 1970-х гг. стал издаваться альманах «Балто-славянские исследования»; ученые Московско-Тартуской школы, и прежде всего филологи, обращают большое внимание на историю, семантику, символику балтийских языков – как в контексте индо-европеистики, так и отчасти региональных балтийских исследований. Это стало той средой, в которой зарождался исток будущего балтийского этнокультурного возрождения – вплоть до восстановления государственности, и параллельно идущего процесса поднятия социального статуса балтийских языков с их последующим юридическим закреплением.

ДИСКУССИЯ О ЯЗЫКЕ В 1980-е гг. ПОДНЯТИЕ СТАТУСА ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА, ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД К ВОССТАНОВЛЕНИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ

Республиканские съезды писателей 1980-х гг. стали, пожалуй, первыми общественными площадками Латвии, в рамках которых был проявлен и сформулирован интерес ко всему национальному – фольклору, этнографии, языку, проблемам перевода. Обсуждали это на высоком, элитарном, космополитическом уровне, что отметил поэт и переводчик Улдис Берзиньш: «Только примитивный, “первобытный” национализм предполагает интерес лишь к своему... Характерный штрих: латышский поэт Леонс Бриедис в поездке по Румынии читал стихи эстонцев, и стихи армян»⁹⁹. С конца 1980-х гг. началась эпоха, которую итальянский филолог-балтист Пьетро Дини обозначил как «**новое обретение языковой идентичности**»¹⁰⁰.

Это происходило на всех уровнях языковой культуры. 26 марта 1987 г. был проведен первый Праздник языка (Valodas svētki) на котором писатели и поэты выражали озабоченность «безразличным и легкомысленным отношением к языку» и стремление «не потерять уважение к сво-

ему языку, вкус к речи и здоровую невосприимчивость к болезням языка»¹⁰¹.

В конце 1980-х гг. балтийские республики предприняли усилия для достижения законодательного паритета с Москвой. Важным событием в истории национально-культурного пробуждения Латвии сыграл расширенный пленум Союза писателей Латвии (называемый в публицистике также Съездом творческих союзов) 1–2 июня 1988 г. Особенно активно обсуждались проблемы языка, и прежде всего двуязычие.

Кажется, первым заговорил о негативных последствиях двуязычия, насаждаемого административно, был эстонец Мати Хинт¹⁰²; об этой же проблеме и в частности о необходимости равноправия в языках писал и Чингиз Айтматов¹⁰³. Были воскрешены идеи, поставленные еще в статье А. Поттебни «Язык и народность» 1895 г. Весьма яркими были статьи Юрия Абызова о фактическом положении языков, о недостаточном учете культурных контекстов, о незнании культур и истории, о лени и нелюбопытстве, об опасной тенденции отчуждения, а не приобщения¹⁰⁴. Антон Ранцанс, Марина Костенецкая говорили о национальном высокомерии приезжих русских в Латгалии, о пренебрежении к преподаванию латышского языка в школах. Критиковалась фактически доминирующая роль русского языка в Латвии, отмеченное Руттой Вейдемане «прививаемое и насаждаемое обожествление русского языка, которое граничит с культом»¹⁰⁵. Она вместе с другими писателями и общественными деятелями выдвинула тезис о необходимости признания за латышским языком статуса государственного.

Для того, чтобы выяснить общественное мнение жителей Латвии по этому вопросу, была создана рабочая группа Президиума Верховного Совета ЛССР. 30 августа 1988 г. в газете «Падомью Яунатне» была опубликована статья «О статусе латышского языка – существующем и желаемом», на которую пришло 9285 писем с 354 280 подписями со всех концов Латвии за придание латышскому языку статуса государственного.¹⁰⁶

29 сентября 1988 г. Президиум Верховного Совета Латвийской ССР принял «Постановление о статусе латышского языка». Постановление провозглашало статус латышского языка на территории ЛССР как государственного, предусматривало всестороннее развитие и изучение латышского языка, гарантию его применения в государственных органах, в учреждениях и на предприятиях, в сфере образования и науки, службах быта и т. д. Отныне оформление документов для граждан должно было осуществляться либо на русском, либо на латышском языке, по выбору¹⁰⁷.

Схожие процессы шли в Литве, Эстонии и некоторых других республиках. В ноябре 1988 г. Эстония начала т. н. «конституционную войну», заявив, что только те законодательные акты СССР, которые принимает Эстония, будут действительны на ее территории.

Закон о языке 18 января 1989 г. Эстонской Советской Социалистической республики создал прецедент на всем пространстве СССР¹⁰⁸. Он положил начало всем дальнейшим процессам поднятия статуса национальных языков в постсоветских республиках. Важно обратить внимание на статус русского языка по этому закону: в Преамбуле было сказано, что в использовании русского языка закон исходит из необходимости общения в рамках Союза, а также из факта, что русский – второй по распространению язык в Эстонии¹⁰⁹. Правда, никакого особого статуса (например, «языка межэтнического общения») русскому не было придано. Но в тексте закона большое внимание было уделено русскому языку: все юридические дела, предполагалось, могли решаться на эстонском языке (статья 2) и русском (статья 3). Фактически, это делало Эстонию страной с билингвизмом¹¹⁰.

25 января 1989 г. Президиум Верховного Совета Литовской республики издал декрет о литовском языке как официальном языке республики, о двухлетнем переходном периоде и необходимости создания условий для изучения литовского языка.

Закон о государственном языке 5 мая 1989 г. был принят и в Латвии. В нем ла-

тышский язык, в соответствии с Конституцией ЛССР, провозглашался государственным, определялись сферы его использования в государственном управлении, народном хозяйстве и общественной деятельности. Утверждалось право граждан изучать латышский язык по программам, финансируемым из бюджета. Законом также охраняется «уважительное отношение ко всем языкам и диалектам, существующим в Латвии»¹¹¹. Надзор за исполнением Закона о языке вменялся в обязанность Комиссии по языку Президиума Верховного Совета ЛССР, а также Советам народных депутатов на местах (21 параграф Закона).

Поднятие статуса латышского (и литовского, и эстонского) языка было одним из важнейших признаков восстановления государственности. Пьетро Дини отмечает: «Речь идет о символических вехах, которые означают – для латышского языка в значительно большей степени, чем для литовского, – конец векового периода, который вывел балтийские языки из статуса местных наречий восточного побережья Балтийского моря на уровень официальных языков двух современных государств, признанных мировым сообществом. Таким образом, положен конец насильственному ограничению литовского и латышского языков несколькими незначительными областями употребления»¹¹².

Язык титульного народа стал официальным, но существенные преобразования начали происходить только после 1991 г., после установления политической независимости Латвии. Контекст реализации этого закона был уже иным.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ 21 АВГУСТА 1991 г.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД: 1991 – 1994/95 гг.

21 августа 1991 г. Верховный Совет Латвийской Республики принял Конституционный закон о государственном статусе Латвии, провозгласивший фактическое вос-

становление утраченной в 1940 г. государственной независимости этой республики. Уже 24 августа этого же года президент России Б. Ельцин подписал Указ «О признании государственной независимости Латвийской Республики».

При восстановлении независимости балтийских государств языки стали мощным политическим инструментом, средством регулирования взаимоотношений в обществе. Начался процесс **правового закрепления статуса** латышского языка. Не удивительно, что Закон о латышском языке как государственном был принят одним из первых при устройстве новой латвийской государственности.

Языковое законодательство отражает прямую связь политики и идеологии, и в особенности – представления о национальной идентичности. Это – сплетение нескольких политических и стратегических направлений: строительство нации, определение составляющих ее социальных, этнических и иных групп, управление языковым разнообразием. Все эти проблемы взаимосвязаны, ведь поднятие статуса одного языка может ослабить позицию других языков и соответственно групп населения, говорящих на них.

Формирование нового типа государства повлекло за собой оформление идеологии, в которой история предстала в упрощенном и мифологизированном виде, аргументирующем извечное существование Латвии, латышей и латышской культуры (хотя не отвергается факт их контактов с иными народами и культурами).

Сложные исторические процессы этно- и культурогенеза в циркумбалтийском и восточноевропейском ареалах подверглись кодификации¹¹³ и были сведены к представлению о том, что «историческая ситуация в Латвии предопределила то, что латышский язык всегда должен был бороться за свое существование... из-за удобного географического положения территория Латвии попала в сферу влияния соседних стран (Германии, Швеции, Польши, России), сюда прибыло немало чужеземцев.

Поэтому латышский язык и культура уже с начала формирования латышской народности находились в тесной связи с другими языками и культурами: ливским, литовским, эстонским, русским, белорусским (культурами и языками меньшинств и соседей); с русским, польским, шведским и немецким языками как языками власти, управления в определенные периоды истории. Начиная с XIX в. латышский язык развивался на фоне усиливающейся конкуренции немецкого и русского, и люди, говорившие на латышском, были подвержены скрытым или явным тенденциям к онемечиванию и русификации. Однако во второй половине XIX в. латышский язык уже достиг высокого уровня развития, широко использовался в разных сферах культуры и образования и начал претендовать на определенное место в важных социолингвистических функциях¹¹⁴. В Латвии Закон о языке был исправлен уже в 1992 г.: 31 марта был принят закон «**Об изменениях и дополнениях к Закону о языке Латвийской Советской Социалистической Республики**». Эксплицитные референции по отношению к русскому языку были убраны, усилена иерархия языков с приоритетом латышского, русский язык был приравнен к другим иностранным языкам (сходные изменения были сделаны в Литве и Эстонии в 1995 г.). Хотя в 4 главе Закона говорится: «все работники государственного сектора, предприниматели... должны знать и использовать государственный язык и другие языки до такой степени, чтобы они могли выполнять свои профессиональные обязанности»¹¹⁵. Это является, по сути дела, имплицитной референцией к русскому языку.

К тому же существует различие между языком государственным (согласно законам балтийских республик, таковой один – язык титульной нации), и языки официально принятые, каковых в Латвии и Литве, согласно законодательству, принятому в первой половине 1990-х гг., по два – латышский/литовский и русский; для официального использования каждый гражданин может выбирать между государственным

языком и русским, а также может требовать переводчика¹¹⁶.

Было определено, что языковое законодательство – часть языковой политики Латвии, которая в этот период начала оформляться более четко и конкретно. С 1992 г. начинают складываться государственные институты языковой политики. В марте 1992 г. в Латвии был создан Центр государственного языка – государственный институт, ответственный за надзор за выполнением Закона о государственном языке. Работники – шесть специалистов, которые руководят работой Верховной комиссии владения языком (девять специалистов) и Группой инспекции государственного языка (восемнадцать специалистов). Они могут посещать все учреждения, предприятия, организации, встречаться с должностными лицами и работниками, вызывать лиц, подлежащих аттестации, на проверку знания государственного языка, а также наказывать лиц, не выполняющих Закон, привлекая виновных лиц к дисциплинарной или административной ответственности¹¹⁷. При этом Центре работают две постоянные комиссии: Комиссия государственного языка и Комиссия по топонимике. При Институте латышского языка Латвийского университета были созданы Комиссия по терминологии и Консультационный центр государственного языка.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. на международных конференциях и симпозиумах (в Гонконге и Страсбурге в 1990 г., в Финляндии, Эстонии, Венгрии в 1991 г.) появляется термин «**языковые права**», вырабатывается понятие «**языковых меньшинств**»; рядом балтийских стран были приняты международные документы по языковым правам (прежде всего, Всемирная декларация лингвистических прав (1996 г.). По этой декларации, каждый человек имеет право в стране своего постоянного проживания использовать свой родной язык в качестве официального или неофициального в различных сферах жизнедеятельности¹¹⁸. Однако применение этих документов, равно как и истолкование принципа защиты

языковых прав, чрезвычайно сильно зависят от конкретной исторической, демографической, социокультурной ситуации в каждой из стран.

В 1994 г. в Латвии был принят закон о гражданстве. «Нулевой» вариант, т. е. автоматическое признание гражданами Латвийской республики всех проживавших в 1991 г. в Латвии жителей, был отвергнут «из-за большого числа русскоязычных граждан, не желающих принять независимость Латвии»¹¹⁹. Была введена процедура натурализации, включающая сдачу экзамена по латышскому языку.

Теснейшая связь латышского языка и латвийского гражданства не раз подчеркивалась в выступлениях и публикациях официальных лиц. Так, филолог, в недавнем прошлом министр образования Инна Друвиете, отметила, что «Закон о гражданстве – один из самых важных законов Латвии, должен рассматриваться как один из важнейших шагов также и в языковой политике»¹²⁰. Принятие этого закона открыло новую веху в истории социальных и правовых преобразований Латвии.

ВТОРОЙ ПЕРИОД: 1994/1995 – 2003 гг.

К середине 1990-х гг. позиции всех сторон, участвующих в обсуждении проблемы языков в Латвии, определились, и с тех пор практически не меняются. Латышский язык будучи залогом существования нации стал атрибутом государственного суверенитета и соответственно важнейшим политическим инструментом.

Весьма сложным и для экономики, и для идеологии государства оказались 1994–1995 гг. В 1995 г. были поставлены натурализационные «окна» (квоты по возрасту претендующих на гражданство), действовавшие по 1998 г. В эти годы гражданство в Латвии получило только 11 432 чел. С февраля 1995 г. по декабрь 1997 г. на прохождение натурализации могло подать около 120 000 чел., но прошли процедуру и стали гражданами только 5016 чел.¹²¹ Ина Друвиете полагает, такое малое число было во многом определено в основном возмож-

ностью ездить в Россию без виз и в целом либеральным отношением к не гражданам, т. е. – отсутствием необходимости получения латвийского гражданства.

Статус латышского языка как государственного в Латвии был зафиксирован в Конституции Латвии 6 ноября 1998 г. И с новой силой вспыхнула общественная дискуссия по поводу Закона о гражданстве. Например, обсуждался вопрос, нужно ли автоматически давать гражданство детям, родившимся в Латвии после 21 августа 1991 г. Это положение было утверждено после референдума, где большинство (хотя вовсе не доминирующее) ответило на этот вопрос положительно. В 1999–2000 гг. новыми гражданами Латвии стало уже 27 000 чел.

В это время наблюдается нарастание обеспокоенности судьбой латышского языка у многих государственных чиновников, патриотически и националистически настроенных граждан, а также латышей-эмигрантов.

Таким образом, в это время сложилась довольно парадоксальная ситуация: статус латышского языка высок, уровень знания языка в обществе хотя и не быстро, но неуклонно повышается, а многим кажется, что язык деградирует и находится под угрозой исчезновения. Об этом свидетельствует языковая политика Латвии, сформулированная рядом ученых и политиков (как и в Эстонии, оказавшаяся довольно сильно политизированной¹²²), и проводимая властными структурами с конца 1990-х гг. Я бы предположила, что в этой ситуации мы имеем дело со своего рода известным психологическим феноменом ощущения снижения уровня безопасности при повышении степеней защиты.

Языковая политика Латвии теснейшим образом связана с базовыми политическими основами этого государства, прежде всего, как я уже отмечала, с проблемой гражданства и в частности, с идеологией строительства латвийской нации, а также с экономикой, распределением рабочих мест, социально-экономической стратегией развития республики.

Главная задача языковой политики Латвии – выстраивание иерархии языков, «обеспечение существования латышского языка в сложной и соревновательной языковой ситуации»¹²³. Главная ее цель – «сформировать лингвистически нормализованное общество с титульным языком, функционирующим как единственный официальный язык, но с лояльными билингвальными меньшинствами, существующими в рамках культурных автономий»¹²⁴.

Более того, речь идет о «языковых правах»¹²⁵, совершенно различно интерпретируемых сторонниками разных политических сил Латвии. Это связано с тем, что за период советской власти сложилась ситуация, не исчезнувшая и поныне, когда, как отмечает И. Друвиете, «русский язык рассматривается как символ советской власти (...) Социолингвистические функции официального языка, латышского, до сих пор ограничены, и функции русского языка до сих пор излишне расширены, даже теперь, через семь лет после восстановления независимости»; кроме того, она отмечает, что «следует помнить, что Балтийские государства располагаются в зоне национальных интересов России, и что поэтому их суверенитет должен быть в достаточной степени гарантирован международными соглашениями», а также «нужно учитывать амбивалентную роль английского языка»¹²⁶.

Современная языковая политика Латвии основана на концепции нации-государства. Ее сторонники предполагают, что эта идея «вполне жизнеспособна в современном мире, и что можно проводить ее в жизнь с помощью демократических средств, даже при том, что в государстве живет неомогенное с этнической точки зрения население»¹²⁷.

В реализации этой идеи имеется немало сложностей и противоречий. Так, Ина Друвиете, описывая основы языковой политики Латвии как современной реальности, пишет и о **нации-государстве**, имея в виду важнейший образующий нацию этнический компонент – латышей¹²⁸, и о **политической нации**, объединяющей всех граждан, и о **гражданской нации**, в которую превращается латвийское общество¹²⁹.

Она отмечает, что «образовывает государство не этническая нация, а скорее политическая нация (общая сумма всех граждан государства с общими представлениями о гражданстве, объединенная языком государства, общими этническими и политическими интересами, и патриотическим отношением к государству)». Затем же подчеркивает, что «языковая политика – часть этнической политики, и должна защищать общее средство коммуникации, важное для существования государства – государственный язык»¹³⁰. Таким образом, мы наблюдаем попытку объединения нескольких различных, даже взаимоисключающих подходов к формированию единой государственной идеи. Главным же противоречием, разделяющим общество и не получившим принципиального решения, является взаимосвязь и разведение представлений о «латышском» и «латвийском», что отражается и в дискуссиях о языке или языках, на которых в основном изъясняются жители Латвии.

Лиминальная ситуация наблюдается не только в определении концепции государства, но и во внутренних этнокультурных отношениях. Строительство нации-государства происходило в начале евроинтеграции, развития рынка и средств связи, глобализации финансов. В это время русские Латвии, став меньшинством, получили таким образом правовую возможность обращаться в международные организации по защите своих прав. Так, латыши опять (хотя теперь – в качестве государствообразующего народа) оказались в ситуации «между молотом и наковальней» («властные, но малые», рядом с которыми живут «малые, депривированные, но большие»)¹³¹.

Д.Ю. Сидоров, исследуя вопрос о нарушении языковых прав в Латвии в начале 2000-х гг., пришел к аналогичному выводу. Принимая в расчет два критерия, на основании которых можно оценить позицию языка, – статус (определенную законом правоспособность языка) и место (фактическая распространенность и частотность употребления), он сделал вывод, что «в Латвии ограничиваются языковые права и

русскоязычного населения (в основном, по критерию статуса), и права людей, чей родной язык – латышский (по критерию места)»¹³².

Новый текст Закона о языке начал обсуждаться с 1998 г. Предполагалось, что он «точнее и строже регламентирует использование латышского языка в структурах государственной власти и управления, предпринимательской деятельности, образования и публичной информации, чем принятый в 1989 г. и ныне действующий закон»¹³³. Статья 3.1 гласит: «В Латвийской Республике государственным языком является латышский язык». Остальные языки, кроме ливского, определены как иностранные (статья 5). Закон был направлен на укрепление роли государственного языка в образовании и всех сферах жизни, кроме неофициального общения, и частично – частного предпринимательства.

Текст закона был принят Сеймом Латвии 9 декабря 1999 г. после преодоления вето, наложенного президентом на проект закона в июле 1999 г. Он был официально провозглашен президентом, Вайрой Вике-Фрейберг, 21 декабря 1999 г., а в силу вступил 1 сентября 2000 г.

В целом этот закон был оценен позитивно международными организациями, хотя, по мнению специалистов Латвийского центра по правам человека и этнических исследований, «оставил много возможностей для интерпретации, для подзаконных актов»¹³⁴, что стало очевидным после опубликования в июне 2000 г. предварительных дополнений и разъяснений к нему, сделанных Кабинетом министров¹³⁵.

В Конституции Латвии и в 3 статье, 1 пункте Закона о языке определялось, что в Латвии существует один государственный язык – латышский. Это важное положение легло в основу и других законодательных документов (Закона о гражданстве, Закона о радио- и телевидении, Закона об образовании Латвии). Механизм взаимоотношений латышского с другими языками Латвии обозначен в 3 и 4 статьях Закона о языке, где сказано, что государство защи-

щает ливский язык и латгальскую письменность (в официальной языковой политике Латвии латгальский на сегодняшний день считается диалектом или совокупностью диалектов). Все прочие языки обозначены как иностранные (статья 4).

Главная цель Закона – «обеспечить сохранение, защиту и развитие латышского языка; сохранение культурно-исторического наследия латышского народа; право свободно пользоваться латышским языком во всех сферах жизнедеятельности на территории Латвии; интеграцию представителей национальных меньшинств в общество Латвии, соблюдая их право пользоваться родным или каким-либо другим языком; увеличение влияния латышского языка в культурной среде Латвии, способствуя тем самым процессу интеграции в латвийское общество» (статья 1).

Далее Закон определяет, где и как должен использоваться государственный язык. Это – государственные учреждения, органы самоуправления, юриспруденции (суды), вооруженные силы, образовательные организации; публично демонстрируемые фильмы должны сопровождаться субтитрами или переводом на латышский (фактически, в большинстве случаев имеются также и русские субтитры), интервью, проведенные на иностранных, и в т. ч. русском языке, транслируемые по радио, должны сопровождаться хотя бы кратким переводом на латышский; все наименования мест, географических объектов, учреждений Латвии должны быть на латышском языке. Информация широкого употребления – этикетки, афиши, ярлыки, вывески – должна быть на латышском языке, или содержать перевод на латышский. В 19 статье Закона определяется порядок графического отображения в документах имен и фамилий в связи с нормами латышского литературного языка, хотя уточняется, что латышское написание может быть дополнено латинской транскрипцией имени, более точно отражающей фонетику оригинала.

Хотя предполагается, что в целом доминирует латышский как язык высшего (а

позднее и среднего) образования, научная работа, по договоренности с Ученым советом, присваивающего ученую степень, может быть написана и защищаться на иностранных языках, при том, что наличествует автореферат на латышском. Кроме того, в 2006 г. была принята поправка о возможности отвечать на языке по выбору школьника в ходе сдачи экзаменов на аттестат о среднем образовании (конечно, речь идет прежде всего о русском языке). Закон не регламентирует язык неформального общения, внутренней деятельности общественных организаций этнических меньшинств, религиозных мероприятий¹³⁶.

В этот период в Латвии сложились практически все ныне работающие государственные институты, целью которых является развитие, распространение латышского языка, укрепление его официального статуса и общественной роли, изучение и популяризация.

Установлением и соблюдением норм латышского литературного языка занимаются Комиссия по терминологии при Академии наук Латвии, существующая еще с 1946 г. и объединяющая разных специалистов, как филологов, так и ученых различных направлений, чья терминология обсуждается и утверждается. Положения, вынесенные этой Комиссией, утверждаются Кабинетом министров Латвии. Сходные и даже более широкие задачи имеет функционирующий с 1996 г. Центр перевода и терминологии, в задачи которого входит прежде всего перевод обширной документации, связанной с вступлением Латвии в Евросоюз.

За исполнением Закона о языке наблюдает существующий с 1992 г. Центр государственного языка Латвии, находящийся в подчинении Министерства юстиции. Центр состоит из двух основных подразделений: Инспекции государственного языка (12 инспекторов осуществляют надзор на всей территории Латвии), Экспертной комиссии латышского языка и Комиссии по топонимам, в которых работают по совместительству 20 экспертов-филологов; они занима-

ются уточнением, разработкой, кодификацией и нормированием латышского литературного языка, например, правилами орфографии, способами написания имен собственных, топонимами; их решения утверждаются Кабинетом министров Латвийской Республики. Кроме того, была сформирована Консультационная служба государственного языка с основной задачей – сохранение культурной среды латышского языка.

Функции Центра государственного языка – «наблюдение за соблюдением Закона о государственном языке, защита прав и интересов пользователей государственного языка, определение использования государственного языка в государственных и общественных сферах жизни, что выражается в нормативных актах, и способствовать упорядочиванию культурной среды языка, в особенности уделяя внимание возрождению и защите характерных для государства названий мест»¹³⁷.

При Министерстве юстиции находится также Управление по делам натурализации, где имеется Экзаменационный центр; здесь тоже занимаются вопросами латышского языка, но в отношении сдачи государственного экзамена на разные категории владения им.

Существуют и другие учреждения, они призваны заниматься обеспечением материальной и организационной базы для обучения латышскому языку, его изучения и развития, а также популяризации. Вопросами стратегии языковой политики Латвии, поддержкой исследований занимается Комиссия по государственному языку, созданная при президенте Латвии в 2001 г., и инициировавшая создание в 2004 г. Агентства государственного языка, находящегося в подчинении Министерства образования и науки; к этому же Министерству относится Центр образовательных программ и экзаменации. Существует Комиссия по языку Фонда общественной интеграции, в чьи задачи входит просветительская и образовательная функции.

Задачи Агентства государственного языка – анализ языковой ситуации, монито-

ринг социолингвистических процессов Латвии, предоставление консультаций по вопросам латышского языка, издание и распространение справочной и другой литературы на латышском языке, обеспечение развития нормативной терминологии и переводов на латышский, содействие обучению и использованию латышского языка в обществе в целом. Агенство консультирует население, финансово поддерживает исследования в области языковых процессов.¹³⁸

В структуре Агентства имеются два основных подразделения – консультационное и проектное, деятельность которых заключается главным образом в проведении и участии в конференциях и симпозиумах, в исследовательских проектах и публикациях, в издании методических и информативных материалов, в сотрудничестве со средствами массовой информации для широкого общественного обсуждения вопросов языка.

Некоторые позиции языковой политики Латвии, сформулированные в тексте Закона о языке 1999 г. и проводимые вышеперечисленными учреждениями, стали подвергаться общественной критике внутри Латвии. Прежде всего – увеличение полномочий инспекторов Центра государственного языка. Отныне они могли посещать все общественные и частные институты, предприятия, неправительственные организации, приглашать всех, кого захотят, на экзамен в Центр, и аннулировать выданные сертификаты о знании языка. Вторых, был введен беспредельно завышенный параметр высшей категории знания государственного языка: требовалось его знание «на уровне родного языка» (возможно, мы имеем здесь дело с неудачной формулировкой – *C.P.*). Эта категория необходима для занимающих многие высокие посты, в т. ч. для руководителей неправительственных организаций. В-третьих, в случае потери сертификата о сдаче экзамена по языку, он не возобновляется, нужно походить всю процедуру заново. Наконец, тексты всех публичных мероприятий, включая театральные представления, концерты, оперу, балет, цирк должны были быть переведены на государственный язык.

В дополнениях и поправках к Конституции Латвии от 30 апреля 2002 г. видна проводимая стратегия дальнейшего укрепления статуса государственного языка. По словам многих исследователей, это «не принципиальные изменения, а нарастание избыточности»¹³⁹.

Так, в 18 статье говорится: члены парламента должны приносить присягу «быть лояльными Латвии, укреплять ее суверенитет и латышский язык как единственный государственный язык, защищать Латвию как независимое демократическое государство...»; Статья 21 – «единственный рабочий язык парламента – латышский»; Статья 101 – «граждане Латвии выбирают местное самоуправление», и «рабочий язык местного самоуправления – латышский»¹⁴⁰. Статья 104 гласит: «Каждый имеет право получать ответ от государственных и местных управляющих органов и институций на латышском языке».

Беспрепятственное использование языков национальных меньшинств, согласно 2 статье Закона, определялось возможным «в неофициальном общении жителей Латвии, во внутреннем общении национальных и этнических групп, а также в богослужениях, церемониях и ритуалах религиозных организаций и иных видах религиозной деятельности».

В результате критики, не только внутренней, но и международных организаций, ко времени вступления Закона в силу, т. е. к 1 сентября 2000 г., текст закона был изменен, смягчен. Тем не менее, в нем остались некоторые положения, являющиеся источником фундаментального конфликта в обществе.

Русский язык фактически лишился государственной поддержки, что делалось отчасти спонтанно (изменились условия рынка, ориентированного, прежде всего, на Запад), отчасти же и сознательно: он переводился в разряд иностранных.

Примером тому стала ситуация с реформой в сфере образования, начатая в 1999 г. Она была связана с принятием нового текста Закона об образовании. Бесплатное высшее образование было переве-

дено на латышский язык, а к 1 сентября 2004 г. было запланировано существенно преобразовать ситуацию с языком преподавания в средней школе. В Латвии (как и Эстонии) средние школы должны быть реформированы и перейти в основном (в Латвии – от 30 % и более изучаемых предметов, в зависимости от избранных самими школами моделей) на титульные языки обучения (в Эстонии – к 2007 г., в Латвии – к 2004 г.)¹⁴¹.

Для школ национальных меньшинств министерством были предложены программы среднего образования, основанные на научно-прикладном исследовании «Билингвальное образование в общеобразовательной школе Латвии», выполненном в Институте психологии и педагогики Латвийского университета, и предполагающим перевод около 30 % (или более) предметов на латышский язык обучения¹⁴².

В критике этого исследования, равно как и предложенных на его основе программ, В.А. Бухвалова и Я.Г. Плинера отмечалась, как их эмпирическая и теоретическая слабость, так и принципиальная преждевременность, поспешность в определении сроков окончания реформы¹⁴³, равно как и многие из их оппонентов, поддерживающие противоположную идею – единой, неразделенной на две общины, Латвии.

Поспешность властей в вопросах общественной интеграции и образования, форсирование процессов сближения групп населения, имеющих разный исторический опыт, довольно негативно сказывается на общественной атмосфере Латвии. Слишком быстрая реформа школ позволила многим русским организациям, оппозиционным властям, и русским школам многократно выступать с заявлениями о нарушении их прав получать образование на родном языке.

«Быстрее начинайте нас понимать!» – об этом говорит тактика школьной реформы Латвии. Ее поспешность, установленные короткие сроки при сложной этнодемографической ситуации Латвии, привели к тому, что август 2004 г. ознаменовался массовыми акциями протеста, демонстрация-

ми и попыткой оппозиционно настроенных партий драматизировать ситуацию. Однако далеко не все русские школы Латвии участвовали в этой акции. Так, на митинге не было учеников элитарной русской школы в Риге «Эврика». Оказалось, что многие школы действительно не были технически подготовленными к реформе – не хватало методической литературы и учителей-билингвов.

В целом дискуссию по поводу школьной реформы Латвии следует отнести не столько к области педагогики и образования, сколько к политике. Именно по этой причине мы видим столь упорное, непоколебимое отстаивание позиций (ведь они связаны с политическими платформами, поддерживаемыми уже сложившимся электоратом) и подчас даже намеренную драматизацию ситуации. Нужно учитывать, что среднее образование на русском языке было, да и остается, важной формой самоидентификации многих русских Латвии. Сам факт его существенного преобразования воспринимается крайне болезненно, независимо от уровня знания латышского языка русскими Латвии.

Нередко высказывается опасение, что снижение количества преподаваемых предметов на русском языке негативно отразится на качестве русскоязычной среды современной Латвии в целом. Вот цитата из беседы с профессором Латвийского университета Маргаритой Гаврилиной, автором исследования «Дети нацменьшинств в латышских школах»: «В латышских школах в обучение необходимо включать этнический компонент, чтобы школьник, для которого латышский не является родным языком, осознавал и чувствовал принадлежность к своему этносу... Язык – очень мощный фактор формирования этнической идентичности. Следовательно, и для детей, которые учатся на неродном языке, надо создать условия, способствующие сохранению и развитию их родного языка». Исследовательница отмечает, что только домашнего уровня обучения родному языку недостаточно, поскольку может сложиться

ситуация, которую Достоевский охарактеризовал как «мысль не пошла в слова». М. Гаврилина полагает, что в Латвии «качество русской речи, которая окружает ребенка не предоставляет ему тех речевых идеалов, которые необходимы для формирования полноценной языковой личности»¹⁴⁴. По мнению же, например, филолога Айны Блинкеной, русская речь за пределами России нигде и не может предоставить речевых идеалов; Латвия как государство должна прежде всего заботиться о развитии латышского языка, иностранные же граждане имеют права и возможности объединяться в рамках национальных меньшинств и предпринимать самостоятельные усилия для сохранения своего языка и культуры¹⁴⁵.

Пристальное внимание государства к соблюдению Закона о государственном языке, стремление укреплять позиции латышского языка косвенно оправдываются экстралингвистическими факторами. В исследовании латышского «нациолекта» русского языка языковед М. Григорьева упоминает «недостаточную международную престижность латышского языка по сравнению с русским языком, имеющим высокий литературный стандарт и значительный международный авторитет (один из официальных языков ООН)»¹⁴⁶. Для других же позиция латышского языка не столько вопрос престижа, сколько факта численности ее носителей и экономического положения их страны.

Русский язык по-прежнему широко используется в Латвии и особенно в повседневности, в сфере неофициального общения. По данным 1996 г., русский язык в Латвии практически на равных с латыш-

ским используется в большинстве сфер общественной жизни, и превалирует (доходя до 70%) в частном предпринимательстве¹⁴⁷.

Знания же латышского языка среди молодого поколения республики улучшаются и без ужесточения законодательства; их уже нельзя сопоставить с тем, что было в советский период. Причиной тому – свободный рынок, и личный выбор людей, стремящихся сделать хорошую карьеру и получить квалифицированную, хорошо оплачиваемую работу. После восстановления социального и политического статусов балтийских языков начинает быстро расти число детей нетитульных народов, обучающихся в латышских (как и литовских, эстонских) школах.

По данным 2004 г., собранным В. Эрнстсоне и Д. Йомой, существует множество факторов, способствующих использованию латышского языка. Это – большая необходимость использовать латышский язык (49,7 % респондентов), закон о государственном языке (40,5 %), экзамен по языку для получения гражданства (34,8 %), контроль за владением латышским языком как государственным (33,8 %), закон об образовании (25,1 %), более широкие возможности использования латышского языка (22,8 %), более широкое распространение латышского языка «среди иностранцев» (10,4 %), деятельность инспекторов латышского языка (10,4 %)¹⁴⁸.

Опросы середины 1990-х гг. показали, что латышским языком владели уже 55,8 % (или – по другим данным до 63 %) русских¹⁴⁹.

Таблица этнического состава Балтийских республик в процентах (по данным переписи населения 1989, 2000 и 2001 гг.)¹⁵⁰

	Эстония		Латвия		Литва	
	1989 г.	2000 г.	1989 г.	2000 г.	1989 г.	2001 г.
Титульные этносы	61,5	67,9	52,0	57,7	79,6	83,5
Русские	30,3	25,6	34,0	29,6	9,4	6,3
Украинцы	3,1	2,1	3,5	2,7	1,2	0,7
Белорусы	1,8	1,3	4,5	4,1	1,7	1,2
Поляки	0,2	0,2	2,3	2,5	7,0	6,7
Другие	3,1	2,9	3,7	3,4	1,1	1,6
Всего	100	100	100	100	100	100

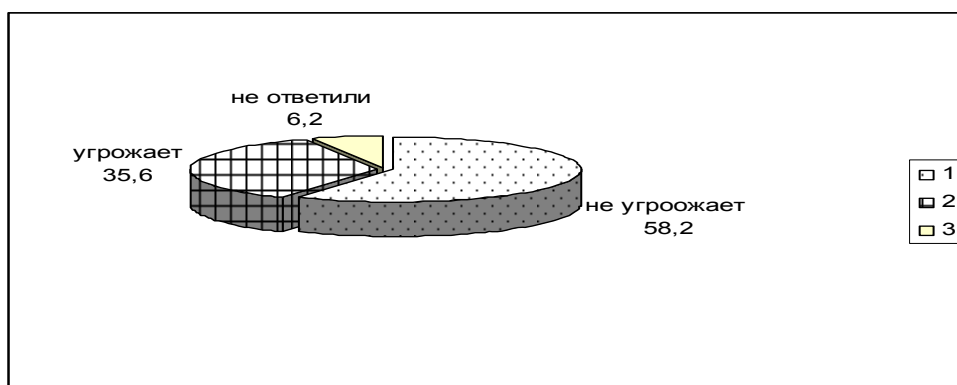
Политические аспекты, связанные с языковой политикой в Эстонии и Латвии¹⁵¹:

Период	Официальные аспекты	Дополнительные
1989–1992 гг.	Поднятие статуса титульный языков, сохранение национальной культуры и идентичности	Вытеснение русскоязычных жителей с важных рабочих мест, достижение политической доминанции титульных народов
1992–1999 гг.	Установление процедуры натурализации, с экзаменом на знание госязыка	Стимуляция ремиграции приехавших в советское время. Начало борьбы с «двойной гегемонией» языков – русского и английского. Выработка юридических норм для защиты титульных языков как в общественной сфере, так и отчасти в частной.
С 1999 г.	Создание программ интеграции, с акцентом на знание языка как главного средства интеграции	Продолжение прежней политики гражданства и языка, контроль над участием нетитульных групп в политике и власти

Создавшаяся в Латвии (как и в Эстонии) ситуация была основана на отношении к титульным языкам не просто как к языкам «преобладающего большинства», а как к языкам «большинства», которые «стали меньшинствами» («minorized majority language»), что объясняется историей республик в советский период. В результате в определенной части общества (по социологическим

исследованиям 2004 г., – около трети населения Латвии) сформировалось представление о латышском языке как «endangered majority language» («язык большинства, находящийся под угрозой исчезновения»), что, видимо, трудно преодолеть даже приданием ему высокого правового статуса.

Оценка степени угрозы латышскому языку¹⁵²

Исследователь проблем языка и образования М. Дьячков на научной конференции, где обсуждались вопросы общественной интеграции и языков Латвии (1998 г.), высказал мнение, что «нехорошо, когда рус-

ский язык в Балтии называют иностранным. Попробуйте назвать иностранным сорбский язык в Германии, фризский в Голландии. Русские живут тут с незапамятных времен». Ему противостоял оппонент – эстонец: «Рус-

ский язык Балтии – формально именно иностранный, т. к. существует государство Россия. Сорбский и фризский – это в Латвии – ливский язык!»

Роль русского языка всегда будет связана в Латвии с социальным, экономическим, политическим влиянием России. О важности юридической поддержки латышского языка (даже кажущейся подчас чрезмерной) для сохранения и объединения нации писали и ученые, и общественные деятели¹⁵³, это понимают представители самых разных политических сил¹⁵⁴.

Тем не менее, с конца 1990-х гг. наблюдается некоторый рост числа латышей, ценящих свое знание русского языка и стремящихся его сохранить. Об этом пишет, в частности, Юрис Ринькис, указывая на многоязычие как на неизбежный фактор существования в современном мире малых народов, сохраняющих свой язык, но обретающих государственную независимость и выходящих на широкую международную арену: «По моему мнению, русский язык это ценность, потерять которую было бы просто глупо»¹⁵⁵. Он вполне справедливо отмечает также, что языковое законодательство это отнюдь не самоцель, но средство, которое является одним из факторов, наряду со многими прочими, формирующими общественное отношение к языку в целом. Часть же обсуждаемых проблем языка, пишет Ю. Ринькис, вовсе невозможно разрешить раз и навсегда. Юридическое же закрепление тех или иных решений может создать лишние проблемы, которые придется преодолевать в скором будущем.

К началу 2000-х гг. синдром слабого государства все еще был довольно силен в обществе. Ина Друвиете, основываясь на статистических данных конца 1990-х гг., отмечает, что более 65 % латышей (исследование 2004 г. показывает около 43 %) полагают, что латышский язык до сих пор находится в опасности. Она поясняет, почему и как следует защищать латышский язык: «Русский язык и другие соперники, английский, обладают двумя принципиальными особенностями: это языки широ-

кого распространения и международного общения. Латышский язык этим не обладает. В условиях рыночной экономики необходимы только компенсаторные механизмы»¹⁵⁶. С такой точки зрения латышский язык уподобляется своего рода «хрустальной вазе», которую следует очищать от засорений и защищать от опасности уничтожения.

Объективизация латышского языка ведет к определенному отчуждению. При этом языковая политика в юридическом, педагогическом и других аспектах, конституционный статус латышского языка, нормативные акты, программа языковой политики Латвии, институты языка, а также усиление кодификации норм латышского литературного языка, его дальнейшая стандартизация, выполняют, прежде всего, защитную функцию. Сюда же относятся обсуждаемые (но фактически не применяемые) меры по искусственному ограничению бытового повседневного употребления русского языка.

Особенно показательно использование латышского языка как властного инструмента (а скорее даже – символа) в той части Закона о языке, где выстраивается работа частных предприятий Латвии. Здесь видна тенденция к законодательному усилению позиции латышского языка в частных предприятиях и компаниях. И Друвиете признает: «Некоторые эксперты считают это вмешательством в частную жизнь граждан», но отмечает: «Мы должны разъяснить концепцию “частных дел”, и выявить разницу между “частными, личными делами” и “частными предприятиями”. Конечно, мы не должны вмешиваться в частную жизнь. Но можно ли считать частной жизнью, когда речь идет о объединении и работе (принятии на работу) нескольких десятков, сотен или тысяч человек? Это только форма собственности на средства производства. Из-за быстро идущего процесса приватизации в 1998 г. только около 10 % всех предприятий Латвии являются государственной или общественной собственностью. Компании, контролируемые элек-

троэнергию, топливо, средства связи и другие жизненно важные сферы на сегодняшний день находятся в частных руках». И. Дривиете признает, что «руководители предприятий выполняют все требования Закона о языке, но фактическим языком общения и в рабочие часы, и на собраниях, является русский»¹⁵⁷.

Здесь нужно упомянуть сформировавшуюся в современной Латвии категорию людей, работающих «профессиональными латышскими», от которых требуется только их гражданство и латышский язык, и которые обеспечивают соблюдение предпринятию всех формальностей в отношении с государством.

Известно, что применение большого количества охранных мер ведет к ослаблению языка, к потере им инструментальных свойств, или свойств самоочищающейся стихии. Комментируя дискуссию о страхе латышей за свой язык, демограф Илмарс Межс (Комиссия государственного языка) отмечает, что и в Латвии, и за рубежом эти опасения часто понимаются неверно. Он отмечает, что речь идет не о страхе полного исчезновения латышского языка, «следует беспокоиться, прежде всего, о том, восстановит ли латышский язык, и сохранит ли статус государственного в общем сознании всех жителей Латвии, чтобы все жители свободно им пользовались, и чтобы язык полноценно использовался во всех сферах жизни»¹⁵⁸. Он полагает, что нужно разработать программу особой защиты латышского языка, и призывает помнить, что «все в наших руках, потому что сами мы выбираем в повседневности – говорить по-русски»¹⁵⁹. В статье «Латышский язык на перепутье» И. Межс справедливо указывает на распространенную среди латышей привычку говорить с русскоязычным собеседником по-русски, даже если тот может понять латышскую речь¹⁶⁰.

В то же время И. Межс признает, что в Латвии растет поколение людей, среди которых все больше говорящих по-латышски. Если в конце 1980-х гг. латышским языком владело 23 % нелатышей Латвии, то в 2000 г. –

уже 53 %; в эти же годы почти в два раза сократилось число жителей, совсем не знающих латышский язык – с 38 % до 21 %. И все же он полагает, что еще нет гарантии того, что латышский язык останется в будущем главным языком общения. Тому свидетельствует, пишет Межс, все еще большая популярность русского языка в крупных городах Латвии и особенно в Даугавпилсе и Резекне, а также среди старшего поколения мигрантов из СССР.

Илмарс Межс не считает трагическим обстоятельством сокращение часов для изучения русского языка как иностранного в школах Латвии, равно как и «постепенный выход Латвии из российского информационного пространства»: «Часто за защитой прав меньшинств кроется нежелание позволить латышскому языку возродить полагающуюся ему доминирующую роль, нежелание его изучать и говорить на нем»¹⁶¹.

Подобное беспокойство имеет основание. Исследования конца 1990-х гг. показывают, что русский язык продолжает играть значительную роль даже в официальном общении: 70 % русскоязычных не граждан и 56 % граждан общаются с латвийскими чиновниками по-русски¹⁶². Повседневная языковая толерантность в Латвии, по моим наблюдениям, даже возросла в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Это обусловлено тенденцией к снижению идеологической ангажированности и политической активности всех жителей Латвии, ростом прагматизма.

Фактическую же подоплеку твердой позиции русского языка в повседневности и во всех частных сферах жизни Латвии дает, в частности, большая численность русскоязычных жителей всех крупнейших городов: на 2000 г. в пяти городах численность латышей не составляла и половины (Даугавпилс – 15,92 %, Рига – 4,98 %, Резекне – 42,58 %, Юрмала – 49,08 %, Лиепая – 49,38 %), и только в двух городах слегка переваливала за 50 % (Елгава – 50,97 %, Вентспилс – 51,58 %¹⁶³).

Более того, проведенное С. Дьячковой в 2000 г. исследование роли языков в обще-

ственной интеграции выявило, в частности, что одним из главных препятствий на пути к изучению латышского языка русскоязычными жителями Латвии является «недостаток естественной латышской языковой среды в Латвии, что ограничивает возможность русскоязычных жителей слышать латышскую речь в повседневной жизни»¹⁶⁴.

Однако нужно отметить перемены и в среде носителей русского языка в Латвии. Русский язык превратился в язык меньшинства¹⁶⁵. В этой связи языковая чувствительность начинает вырабатываться и в русскоязычной среде, чего не было в советский период. Показательно, что важным элементом самоидентификации русских Латвии является русский язык и связанная с ним словесность. Русский язык как главный признак своей идентичности выделили 77 % респондентов в исследовании В. Волкова конца 1990-х гг., тогда как этническое происхождение – только 54 %¹⁶⁶.

Сформировался и сохраняется явный конфликт позиций внутри русскоязычных жителей Латвии, т. к. многие из них ощущают себя в большей степени уже местными, а не представителями великой Рос-

сии. Таким образом в Латвии сложилась парадоксальная ситуация, когда «все этнические группы ощущают себя меньшинствами в определенных ситуациях, и все ощущают неуверенность и угрозу»¹⁶⁷.

В 1994–1995 гг. изменились и внешние связи молодых балтийских республик; укрепились взаимоотношения Латвии с Америкой и с рядом стран Запада, что рассматривается во многом как защитные меры: «Государство (Латвия – С.Р.) должно делегировать часть своего суверенитета международным институтам и таким образом вовлечься в структуры транснациональной экономики и системы защиты»¹⁶⁸.

Но особенно серьезным событием, положившим начало новому периоду в новейшей истории Латвии, было **вступление в Евросоюз**.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД: 2003 г. / 1 МАЯ 2004 г. – ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Согласно статистическим данным 2004 г., в Латвии 58,6 % населения составляют латыши, 28,8 % – русские, остальные этнические группы представлены в значительно меньшем объеме (см. таблицу ниже).

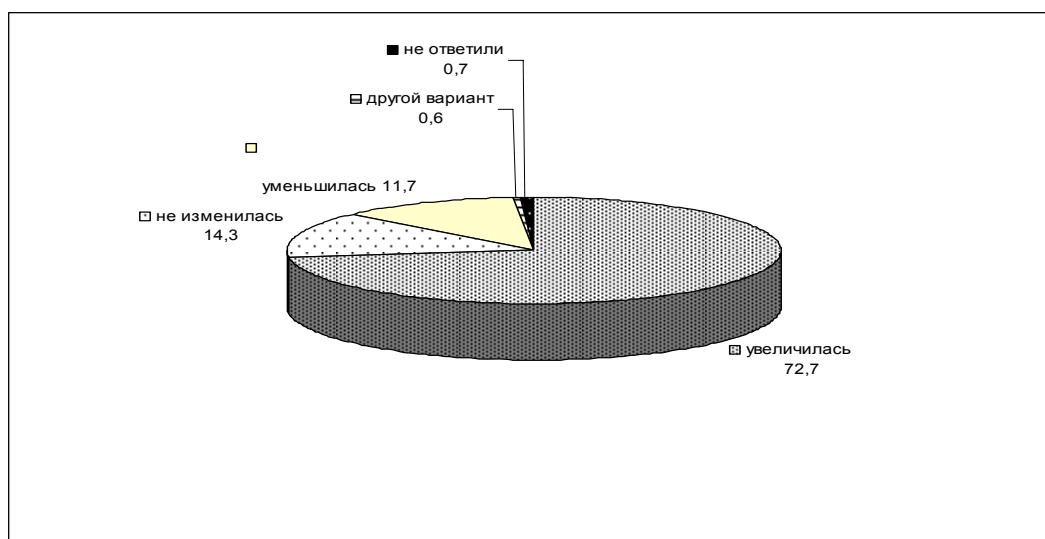
Численность населения по этническим группам Латвии¹⁶⁹

<i>Этническая группа</i>	<i>Численность в Латвии (чел.)</i>	<i>% от общего числа населения</i>
Латыши	1356 081	58,6
Русские	664 094	28,8
Белорусы	88 998	3,9
Украинцы	59403	2,6
Поляки	56 798	2,5
Другие	83 967	3,6
Всего	2309 339	100,0

Перепись населения Латвии 2000 г. показала, что латышский язык является родным для 58,2 % жителей Латвии и для 95,6 % латышей. К этому времени латыш-

ским языком в разной степени владело около 79 % всех жителей; если в 1989 г. его знало только 23 % нелатышей, то в 2000 г. – уже 53 %¹⁷⁰.

Перемены в значимости латышского языка¹⁷¹

Ситуация в области языкового законодательства и реализации Закона о языке в период подготовки к вступлению Латвии в ЕС мало изменилась. Сосуществуют два метода – проверка знания латышского языка и наказания за его незнание или плохое владение им: государственные инспекции осуществляют проверку на предприятиях и в учреждениях, недостаточно хорошее знание может грозить штрафами и увольнениями. Организуются также курсы по обучению языку, которые стремятся сделать это обучение интересным и хорошо обеспеченным материалами. Преподаванием латышского языка занимаются и неправительственные организации, например, Народная школа Латвии.

К этому времени завершился процесс формирования не только идеологии языковой политики Латвии, но и проводящих ее институтов. В 2005 г. были опубликованы «**Основные положения политики государственного языка**», ориентированной на 2005–2014 гг., где описана культурно-историческая ситуация, четко сформулированы современные проблемы латышского языка, определены основные принципы, цель, направления деятельности и основные институты языковой политики Латвии¹⁷².

Прежде всего заявляется необходимость проведения языковой политики, поскольку латышский язык (как, впрочем, и другие языки мира – от 50 до 90 % по разным источникам) находится под угрозой исчезновения. Неравноправная конкуренция с другими языками, особенно остро ощутимая на рынке рабочей силы, узкая культурная среда бытования латышского языка, снижение качества языка в профессиональной деятельности заставляет власти Латвии предпринимать целенаправленные усилия по повышению экономической и политической ценности латышского языка, используя механизмы юридической поддержки¹⁷³.

Отсюда вытекают две важнейшие задачи языковой политики Латвии: прежде всего, всемерное содействие сохранению, развитию и распространению латышского языка (на что направлена деятельность всех реализующих политику институтов), а также гарантия сохранения, развития и выполнения определенных функций языков этнических меньшинств Латвии¹⁷⁴.

Фактически же общество Латвии поделено на несколько сегментов, имеющих различные точки зрения на базовые позиции государственной политики. Люди, считающие себя патриотами Латвии, часто при-

держиваются противоположных взглядов и являются даже непримиримыми врагами. Одни полагают, что Закон о языке провоцирует общественные конфликты. Другие считают, что лоббирование билингвизма в Латвии способно усилить сегрегацию общества и даже остановить процесс политической интеграции.

Наличие единого официального (государственного) языка понимается в государственной политике как одно из важнейших технических и символических условий существования Латвии. Эту идею в принципе поддерживают сторонники даже весьма расходящихся политических взглядов на развитие страны. Например, лидер Народного фронта Латвии, публицист, в прошлом депутат Верховного Совета Латвии, социал-демократ Дайнис Иванс пишет: «Ясно, что двуобщинное и двуязычное государство всегда будет выгодно тем, кто постоянной межэтнической напряженностью хотел бы отвлечь внимание народа Латвии от других проблем, возможно, более важных для объединенной Европы, чем упорядочивание национальных отношений»¹⁷⁵.

Идеологическая составляющая отношения, как латышей, так и русских Латвии к латышскому языку, остается довольно сильной. Не случайно в рецензии на исследование социальной роли латышского языка и общественной интеграции С. Дьячковой заместитель директора Народной школы Линардс Дейдулис, отметил, что «использование (латышского) языка теснейшим образом связано с отношением индивидуума к государству и работе его институтов»¹⁷⁶.

Высказывается даже мнение, что фактически, несмотря на усилия властей и на перемены во внешней политике, языковая, да и социальная ситуация в Латвии вовсе не изменилась со времен советского периода. Алвидас Буткус (филолог, руководитель Центра латоники Каунасского университета) полагает, что об этом свидетельствуют постоянная готовность латышей в быту говорить по-русски, наличие перевода на русский язык большинства товаров и услуг, в частности, русских субтитров практически

всех фильмов, идущих на телевидении и в кинотеатрах Латвии, и деятельность русскоязычной прессы, враждебно относящейся к существующей власти и создающей параллельную социальную среду, своего рода «пятую колонну». А. Буткус считает, что «таким образом латыш выражает неуважение к своему государству и его языку», и даже «соглашательство с враждебной идеологией»¹⁷⁷.

Фактическое двуязычие Латвии, наличие двух конфликтующих точек зрения и соответственно двух сетей средств массовой информации признает социолингвист из Питсбургского университета, специалист в области двуязычия и языков меньшинств Кристина Паульстон¹⁷⁸. Она же высказала интересную точку зрения, согласно которой человек сначала принимает решение, на каком (или каких) языке (языках) он будет говорить, а потом находит разнообразные аргументы в пользу своей точки зрения. И это – две разных сферы, их мотивация и логика могут вовсе не совпадать.

Примечательно, что разделяющая общество Латвии на два сегмента позиция, сформировавшаяся в советской Латвии, сохраняется и поныне, и выражается не только в общем мнении некоторого общественного слоя, негативно настроенного по отношению к конкретной латвийской власти и «латышам» вообще. Во втором номере 2006 г. русского журнала «Даугава» в порядке дискуссии была опубликована статья доктора психологии, профессора Балтийского Русского института, действительного члена Российской Академии педагогических и социальных наук Павла Тюрина «Язык мой – враг мой?», оправдывающая нежелание русских Латвии учить латышский язык. По мнению автора, латышский язык проигрывает русскому по критериям «коммуникативной и демографической мощности, наличия в нем рифм, синонимов, возможности словообразования», «тезауруса – словарного потенциала» и т. п. Таким образом, «великая немота» русских в Латвии (с. 115), то, что множество их так и не выучили латышский, «хотя практически

все латыши уже вполне прилично знают русский», объясняется Тюриным принципиальной невозможностью перевода текста, созданного на русском языке, на латышский – «язык меньшей мощности», подобному «смирительной рубашке», «ощущением безнадежности передачи своих чувств и мыслей непривычно скупыми языковыми средствами, унижающими и себя и собеседника полуправдой говорения». В том, что русские хотят, чтобы латыши говорили с ними по-русски, заключается, как пишет автор, «косвенное подтверждение подлинного уважения к латышским собеседникам (...). И, разумеется, это уважение к себе»¹⁷⁹.

Как псевдо-научные фантомы, порожденные автором, так и простые выводы (парадоксальным образом следующие из набора цитат из В. Гумбольдта, Л. Витгенштейна, Л. Выготского и Э. Сэпира, так или иначе связанных с теорией языковой относительности) о том, что русским просто не стоит и трудиться в попытках овладеть латышским языком, ведь он просто якобы хуже, примитивнее русского, весьма напоминают риторику сторонников расового различия, изначально заложенного и неизменного. Эта статья вызвала крайне негативную реакцию среди латвийских филологов, не говоря уже об идеологах языковой политики Латвии. Отчетливо выразив и позитивно обосновав вроде бы порицаемую позицию, нежелание получать новые знания, преодолеть этноцентризм, идти навстречу иному, учить язык другого, более малочисленного, народа, автор создал препятствие на пути к общественной интеграции по-разному настроенных групп населения Латвии.

Однако существуют и некоторые подвижки, благодаря которым можно говорить о ряде перемен в отношении к латышскому языку во всем латвийском обществе.

В начале 2000-х гг. был проведен **ряд исследований** (а в 2003–2006 гг. были опубликованы их результаты), подкрепивших обе позиции – как сторонников одного государственного (латышского) языка, так

и сторонников официально закрепленного двуязычия. Как в исследованиях, так и в прессе часто повторяются вроде бы банальные, но на деле не очевидные вещи, например, что незнание латышского языка отчуждает человека, делает его безразличным к политической и общественной жизни Латвии. Хотя, вполне возможно, все происходит в обратном порядке: социальная пассивность ведет к незаинтересованности, нежеланию социализироваться, и как следствие, к незнанию языка.

В исследовании Светланы Дьячковой «Знание латышского языка и общественная интеграция» (2003 г.) делается вывод, что знание латышского языка в целом в годы независимой Латвии возросло, и прежде всего (если не исключительно) в сферах образования, профессиональной среде и структурах власти, причем законодательные акты не слишком сильно повлияли на развитие реальной ситуации. Первично желание интегрироваться, знание латышского языка – средство к этому. О явном предпочтении латышских школ среди всех этнических общностей современной Латвии пишут и другие исследователи¹⁸⁰. Тем не менее, в повседневной, бытовой среде русский язык остается равно используемым, а в некоторых обстоятельствах и местах даже доминирует. Требования к уровню знания латышского языка со стороны властей – полагает С. Дьячкова – превосходят возможности обучения; она рекомендует стимулировать мотивацию (которой явно недостаточно в обществе) даже не столько к обучению латышского языка, сколько к его использованию¹⁸¹.

Исследования 2004 г. Винеты Эрнстоне, Д. Йомы и других «Владение латышским языком и его использование в Лиенае в 2004 г.»¹⁸², «Языковое отношение и использование языка латышскоязычных жителей Латвии в 2004 г.»¹⁸³ показали, что имеются признаки улучшения знаний и укрепления мотивации к обучению латышского языка среди нелатышского населения Латвии. Более высокий уровень языковой адаптации наблюдается среди тех, кто за-

нят на государственной службе; быстрее и легче воспринимают язык и начинают на нем говорить женщины¹⁸⁴. Был сделан вывод о том, что латышский язык представляет собой главную основу общественной интеграции в Латвии¹⁸⁵.

Тем не менее, был сделан вывод и о недостаточном уровне использования латышского языка в повседневном общении, что связано с пассивностью самих латышей в отношении своего языка, их «низкой этнолингвистической витальностью, которая выражается подчас как ложно понятая лингвистическая толерантность, подчас как снижение уровня национального самосознания, равнодушие по отношению к языку»¹⁸⁶. Примером тому, согласно исследователям, может быть тот факт, что только 50 % респондентов обращаются к незнакомым людям-латышам на латышском языке¹⁸⁷.

Исследование Дайны Нитины «Качество государственного языка», проведенное среди студентов Технического университета Риги, показало в целом позитивное отношение к латышскому языку, однако 37,6 % ее респондентов признались, что мало используют латышский язык в повседневной жизни, т. к. для этого нет насущной необходимости¹⁸⁸. 35,7 % полагают, что в будущем русский язык может получить в Латвии официальный статус (хотя были и такие, кто не видит противоречия между этим и укреплением статуса латышского языка). Размышляя о методике преподавания латышского, Д. Нитиня приходит к выводу, что во всех программах обучения отсутствуют как разговорный уровень языковой практики, так и официальный и научный стили; она высоко оценивает разработку по коммуникативному, или функциональному подходу к обучению латышскому филолога-балтиста Николь Нау (в котором обучение грамматическим формам основано не на их принадлежности грамматическим категориям, а на их функциях¹⁸⁹).

Д. Нитиня, а также авторы исследования языковой ситуации в Лиепае, отмечают то обстоятельство, что русскоязычные жители Латвии имеют завышенную самооценку по

вопросу о владении латышским языком¹⁹⁰; в то время, как, многие их проблемы происходят от недостаточно хорошего знания и языковой ориентации¹⁹¹. Значительно хуже обстоит дело с навыками латышской письменной речи у нелатышей¹⁹².

Одной из причин определенного отращения к реальному использованию латышского языка даже теми людьми, кто им неплохо владеет, по наблюдению писательницы, журналиста и публициста Марины Костенецкой, может быть как раз излишняя настойчивость и жесткость властей в проведении языковой политики и стремление распространить ее на все сферы жизни¹⁹³.

Языковая политика Латвии – вершина айсберга, представляющего собой весь комплекс сложных межэтнических взаимоотношений, история которых насчитывает уже около трех столетий. Эта политика – часть своего рода «игры бриколажем» (если использовать термин К. Леви-Строса, т. е. «отскоком»). Латышский язык используется как «мяч», бросок которым может отметить или воздействовать на совершенно иную актуальную проблему, которую не хотят или не могут назвать непосредственно.

Существуют и весьма неоднозначные «броски»: так, фраза «следует поддерживать и укреплять возможности для изучения латышского языка, следует укреплять роль латышского языка в обществе» имеет разную семантическую интонацию, означает разное в устах разных людей. Это может означать, например, такое: «позиции латышского языка, равно как и власти, вообще Латвийской Республики на фоне соседних держав, слабы, и их нужно укреплять и символически, и финансово»; «среди нас живет большое количество людей, так или иначе попавших сюда, но оставшихся чужими, если только не враждебно настроенными, нужно сделать их своими, нужно, чтобы они стали такими же, как и мы»; «нам – русским Латвии – негде и особенно незачем изучать и практиковать язык, т. к. мы живем преимущественно в своей русскоязычной среде и самодостаточны, если хотите перемен, так создайте

нам условия, чтобы мы могли и хотели изучать ваш язык».

Таким образом, знание латышского языка выступает прежде всего метафорой эмпатии по отношению к латышам, но к каким? При этом могут иметься в виду, как соседи по лестничной клетке, коллеги на работе, так и новая политическая или экономическая элита, бюрократия; для массового русскоязычного обывателя, живущего в Латвии, это совершенно разные аудитории, с которыми у него формируются разные коммуникативные стратегии.

В русскоязычной прессе и на политических демонстрациях отчетливо ощущается негативное восприятие навязываемого латышского языка и стремление защитить свой русский язык чуть ли не с оружием в руках. Исследовательница современных процессов в русском языке Латвии Наталия Бобрикова отмечает, что, «к сожалению, подчас стремления молодежи сохранить родной русский язык имеют агрессивный характер, и в прессе, когда идет речь о вопросах языка, доминируют военные метафоры. Возможно, это предопределяется тем обстоятельством, что язык – главный фактор самоопределения русских в Латвии, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения»¹⁹⁴.

Однако идеологизированность, а подчас и просто политический заказ яркого, даже театрализованного, выражения этой позиции выявляет то обстоятельство, что она мало соответствует массовой повседневной ситуации и фактической работе большинства рабочих коллективов Латвии.

Создание терминов и перевод обозначений новых явлений на латышский язык – сфера, в которой особенно ярко отражается работа языковых норм. В современной Латвии этим занимаются Терминологическая комиссия при Академии наук, Центр перевода и терминологии (существующий с 1996 г., в его задачи входит прежде всего перевод обширной документации, связанной с вступлением Латвии в Евросоюз) и отчасти Экспертная комиссия при Центре государственного языка. На этом уровне

языковой культуры кодификации, нормирования, а также создания нормативных актов на латышском языке мы наблюдаем активное развитие. Также активно развивается и переводческая деятельность художественной и научной литературы (особенно в гуманитарных дисциплинах). Существенно продвигаются разработки в создании латышских версий компьютерных программ и электронных словарей, которым занимается предприятие «Тилде», и в частности, Андрей Васильев¹⁹⁵. Появляются работы, посвященные исследованию публицистической речи, отражение лексем и стилистических особенностей «евробюрократизации» и глобального рынка в латышском языке¹⁹⁶.

На изменение отношения к языку влияет множество экстралингвистических факторов: экономические сложности (большая рабочая иммиграция – около 7 % граждан уехали, работают и создают благосостояние Латвии как раз «не граждане»; узкий рынок для латвийских товаров и услуг и особенно – товаров на латышском языке), геополитическая ситуация (формальная принадлежность к Евросоюзу при значительном экономическом контакте с Россией и множеством проблем, оставшихся от советского периода истории), социальные («большое число жителей Латвии и за границей, имеющих политическую и экономическую власть», говорят на русском языке, основном сопернике латышского¹⁹⁷).

Проявилось и новое отношение латвийского общества к латышскому языку, которое в целом можно обозначить как снижение серьезности, игру и даже иронию.

В последнее время, как среди языковедов, так и в целом в обществе, вырос интерес к повседневной речи, к низовым, в т. ч. жаргонным слоям языка, и в особенности к инновациям в них. Это хорошо отражено в исследованиях Дайны Нитини «Язык современного человека»¹⁹⁸ и Линды Лаузе «Повседневное общение: простое высказывание в латышском разговорном языке»¹⁹⁹. В 2005 г. Институт латышского языка, осно-

вываясь на традиции издания серии сборников статей «Вопросы культуры латышского языка», выходявших в 1965–1993 гг., издал сборник «Языковая практика: наблюдения и предложения»²⁰⁰. Предполагается, что это будет периодическое издание, где разные авторы смогут обсуждать современные проблемы латышского языка – его стиля, грамматики, лексики, его связь с социальными и экономическими факторами. В 2006 г. вышел в свет совместный труд языковедов Ояrsa Буша и Винеты Эрнстсоне «Словарь жаргона латышского языка»²⁰¹, объединивший около 8 тыс. жаргонных слов с объяснением их этимологии, семантики и контекста использования за последние полвека в латышском языке.

Интерес к реальной повседневной латышской речи чрезвычайно ярко отражен в документальном фильме «Латыш говорит» («*Latvietis runā*»), снятом режиссером Гинтсом Грубе (Gints Grūbe) в 2003 г. Он обратил внимание на то, что в последние десятилетия в дискуссиях о латышском языке первично было представление о норме, причем не о характерной для всякого языка вырабатываемой и принятой всеми пользователями конвенции, но о именно академической, и даже особенно юридически зафиксированной норме. Не закономерность, а закон, стремившийся распространить свое влияние на все слои языковой культуры, стал одной из главных тем обсуждения фильма после премьеры. Комментируя кинокартину, Е. Линыньш отметил: «Самая большая заслуга создателей фильма, кажется, состоит в смелости задать вопросы не только о соответствии реальной языковой ситуации канонам нормы, но наоборот – об адекватности канона языковой ситуации. И оказывается, что норма не может (и вообще, вряд ли может смочь) справиться с бурно зеленеющей языковой стихией. Это представление о языке как об индивидуальном выборе, и только затем – общественной, т. е. политической и правовой сфере деятельности»²⁰².

Авторы фильма стремились вскрыть многообразие языковой ситуации и не ужаса-

ться, сопоставить представления о языке языковедов, философов, литераторов, профессиональных переводчиков и обычных людей – «пользователей языка». Обсуждается уже не столько стремление к нормализации, стандартизации языка, его «выправлению», очищению, обеспечению статусом, сохранению его жизни, сколько в некоторой степени критическое и где-то даже ироническое отношение не столько к латышскому языку, сколько к языковой ситуации в обществе.

Интересно, что в дискуссии, возникшей в связи с фильмом «Латыш говорит», много обсуждался журнал «*Rīgas laiks*». Языковеды Валентина Скуиня, Айна Блинкена и журналист Эрикс Ниедре, в целом высоко оценив уровень этого журнала, тем не менее заметили, что язык многих публикуемых им текстов и особенно интервью этого журнала – все же плохой пример использования языка. Э. Линыньш пишет: «Трудно представить текст, при создании которого роль языковой нормы была бы большей!.. Пафос этих интервью, точно рассчитанный комический эффект, само создание этих публикаций основывается на совершенно правильном представлении редакции о читательской аудитории журнала – людях с развитым чувством языковой нормы»²⁰³. Дело в том, что именно в этом журнале, рассчитанном на весьма образованную публику и даже на интеллектуальную элиту, ощутимо ироническое отношение к языку (явление, весьма свойственное постмодернизму, духом которого во многом пропитан журнал).

Одной из задач остроумных и тонких заметок о современных тенденциях в латышском языке философа и публициста Илмарса Шлапинса, публикуемых в «*Rīgas laiks*», является желание сломать продуктивное в период советского прошлого, но уже устаревшее стереотипное представление о том, что латышский язык – последний бастион латышской идентичности и единственная форма существования латышского народа²⁰⁴. Другой периодической колонкой в латышской публици-

стике, ориентированной на гораздо более широкие массы, обсуждающей проблемы латышского языка, является рубрика «Зеленое дерево» (“Zaļais koks”) в «Латвияс Авизе» (“Latvijas Avīze”); здесь культивируется иное, более устремленное к норме, отношение.

В еще большей степени ирония по отношению к латышскому языку проявляется в творческом проекте *Alvoda* (автор Катрина Нейбургга), в искусственно созданном компьютерном языке, имитирующем латышский²⁰⁵. Тексты на нем, написанные поэтами и писателями – Лианой Лангой, Янисом Рокпелнисом и другими, похожи отчасти на английский *нонсен*, отчасти на произведения Велимира Хлебникова. Как отмечают критики этого проекта, перед нами попытка культурного отчуждения латышей от своего языка, попытка заново познакомиться с ним, воспринять глубинную структуру, ритм, интонации, убрав семантическую значимость, и таким образом неизбежную узнаваемость слов и фраз.

«Этот язык Нейбургги и робота – калька с латышского мира, и как бы то ни было – “латышскость”... Этот проект направлен на одно: чтобы латыш мог услышать свой язык как иностранный, нам надо перестать его понимать. И окажется, что это невозможно...» – замечает философ и публицист Улдис Тиرونс²⁰⁶.

Латышский язык изменяется. В поле общего тезауруса латышского языка идет активное восприятие и использование иноязычной лексики, что вполне точно отражает экспансию глобальной массовой повседневной культуры, а также огромное влияние западной языковой практики в таких сферах, как экономика и юриспруденция. Далеко не всегда мы видим стремление к латонизации многих уже ставших обычными явлений и предметов.

Вполне понятно, что не было найдено аналогов названию многих блюд системы Макдональдс (в обществе не было создано латышского слова для «хот-дога», и здесь очевидным исключением выступают ли-

товский перевод – *miesaini, desaini*). Достаточно типична для современной Латвии ситуация, когда сначала (в общем поле) заимствуется и довольно широко распространяется слово, а потом в среде профессионалов начинается поиск его латонизированного наименования. Иногда это приводит к успеху; так, по крайней мере конкуренцию общеупотребимому слову «спам» (спам, автоматически рассылаемая электронная реклама) составило латышское *mēs-tule*, образованное, кажется, писателем Павлом Банковским, на основе глагола *mest* («выбрасывать») и существительного *vēstule* («письмо»).

Сегодня, как и раньше, проблема языка в Латвии (как и в Литве, и в Эстонии) – это во многом проблема власти. В разные исторические эпохи то немецкий, то русский становились официальными языками, языками управления. Латышский язык начал обретать эту функцию только в период первой республики в 1920–1930-е гг. На повседневном, бытовом уровне сегодня, как и раньше, в Латвии сосуществуют несколько языков, только немецкий сменил все более и более распространяющийся английский. Знание английского в Латвии еще не достигло уровня стран Скандинавии, но определенная тенденция к этому имеется. Сосуществование множества языков «эндемично» для Латвии, это всегда было связано с геополитическим положением этой страны, с влиянием разных властных структур.

Взаимоотношения языков почти всегда были здесь сложными и даже конфликтными по причине раздела властных полномочий, которые на себя забирал тот или другой язык соответственно говорящим на нем национальным сообществам в разные исторические эпохи. Кажется, латышский язык повторяет тот же путь, став в определенной мере инструментом в руках новой элиты. Усиление же какой-либо одной стороны, как мы знаем из ее истории, всегда приводило к почти мгновенному возрастанию ее оппонента, к усилению антитенденции. При этом извне может показаться, что

равнодействующая сходит почти к нулю, отчего эстонский социолингвист Ярве сделал такой вывод: «Балтийские страны не выработали, не применяют никакой исчерпывающей и объемлющей разные стороны, участвующие в процессе, политики управления языковым разнообразием. Местные большинство и меньшинства по-разному видят будущий статус и функции своих языков»²⁰⁷.

Политические позиции были в целом выработаны к середине 1990-х гг. Это эссенции общего мнения разных этнических, политических, отчасти классовых групп общества. Одна позиция гласит примерно следующее: латышский язык как язык малого народа находится под угрозой; латышский язык – это прежде всего язык латышей как государствообразующего народа, и в определенной мере он является средством борьбы с угрозой экспансии иностранцев (*ciņtautieši*); политические решения, юридический статус могут улучшить общественную ситуацию.

Другая позиция является полностью ей противоположной: государственность Латвии – это исторический нонсенс, латышский язык нам не нужен и не интересен; в конце 1980-х гг. в общественном транспорте Риги можно было увидеть граффити типа «наши МИГи сядут в Риге», «один Фриц это одно дерево, убей Фрица, озелени Ригу!», а также надписи типа «За латышскую Латвию», «Русские прочь!» и т. п).

Еще одна, менее радикальная, но в определенной мере отчужденная позиция сформировалась к середине, и в основном к концу 1990-х гг., и была связана с чувством обиды за то, что «нас, русских, голосовавших за независимость, предали люди, пришедшие во власть уже после обретения Латвией независимости». Среди полагающих так людей немало знающих латышский язык, но переставших его использовать в повседневности (о такой позиции и общественном слое, ее представляющем, мне рассказала Марина Костенецкая)²⁰⁸.

Наконец, немалое число как латышей, так и не латышей Латвии не считают ла-

тышский язык находящимся под угрозой, они в большей степени сосредоточены не на символической, а на инструментальной функции языка и полагают, что многоязычие – это судьба малых народов и средство адаптации к новым политическим и экономическим условиям жизни.

С середины 1990-х гг. не наблюдалось ощутимого сближения этих позиций, равно как и попыток целенаправленно и осознанно выработать языковой аналог идеологии интеграции, распространявшейся в Латвии с 1998 г.

Среди идеологов каждой из позиций не преодолена ситуация языкового конфликта. Друг другу противостоят сторонники Латвии как единого, цельного государства с одним ведущим языком – латышским, на котором может изъясняться в идеале подавляющее большинство жителей, и сторонники Латвии как двуобщинного государства, с двумя государственными языками (что, по мнению многих, может привести к углублению и закреплению этнического отчуждения, и разрыва в сфере образования и информации, и даже может представлять угрозу государственной независимости Латвии в случае появления нестабильности во взаимоотношениях с Россией). Согласно опросам 1997–1998 гг., 69 % граждан Латвии высказываются против придания официального статуса русскому языку, 79 % не граждан, наоборот, желают этого²⁰⁹. Острота этой проблемы была отчасти преодолена внешним обстоятельством – вступлением Латвии в Евросоюз.

Сама жизнь, различные обстоятельства становятся лингвистическим интегратором латвийского общества. Возможно, это вполне закономерно. Так, замечательный русский архивист, публицист, председатель Латвийского общества русской культуры (ныне, к сожалению, уже покойный) Ю.И. Абызов писал: «Проблема язык должна решаться главным образом внеязыковыми средствами, созданием атмосферы внимания к человеку, к миру его интересов, контактов, к почве, из которой он вырастает и в которую ложится».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ГАЙЗИНЬШ: ГОРА, ПРИНАДЛЕЖАЩАЯ ВСЕМ

Недалеко от городка Мадонна в центральной Латвии располагается самая высокая в республике «гора» – Гайзинькалнс, или просто Гайзиньш. Ее высота немногим более трехсот метров над уровнем моря. Побывав летом 2004 г. на хуторе «Сески», расположенном неподалеку, я услышала немало интересных историй, связанных с ней.

Часть ее склона была приобретена в собственность крупным предпринимателем, создателем сети ресторанов «Лидо», Кирзоном. Другая часть находится в собственности другой семьи.

Лайма Муктупавела, известная латышская писательница и публицист, сочинила художественное эссе: представим себе, что кроме этих двух, обнаружили еще несколько собственников, которые тоже, как оказалось, живут на склонах этой горы, и которым принадлежат различные – большие и малые – участки этой земли! Как же могут развиваться события, какой может быть удел этой горы? Самый ужасный исход, предполагает писательница, когда каждый из владельцев будет стремиться к ус-

тановлению своего порядка, не желая знать о существовании других или не признавая их прав. Также опасность представляет такой вариант, когда каждый из владельцев захочет отделиться от других, создать свой замкнутый мир на своей части горы. Ведь это может привести к развалу всей горы на части! Единственным выходом должно быть внимание друг к другу, сотрудничество, при том, что каждый из жителей, обрабатывая свою делянку, должен помнить: «гора принадлежит многим». Нужно помнить, что ты не один.

История этой горы стала для меня символом сложной языковой и этнокультурной ситуации в современной Латвии. Всякий язык является как культурной ценностью, идущей из глубины веков и связывающих нас с предыдущими поколениями, так и инструментом сегодняшнего общения, разрешения насущных проблем. Язык – это наше достояние и гордость. Но язык – это еще и возможность понять другого человека, способ связи. Нельзя забывать об одном в угоду другому.

Язык и речь подобны реке. Только постоянно двигаясь и меняясь, река очищается и питает все живое на своем пути.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ См. *Cimdiņa A.* Brīvības vārdā. <Rīga>; Jumava, <2001>. 1. 74. Надо полагать, скорее речь должна идти о «человеке, думающем и говорящим по-латышски», ведь для овладения устной речью нужно не так уж много времени и усилий, а вот чтобы начать думать на языке, необходимо довольно глубоко погрузиться в языковую среду, и это действительно повлечет за собой если не полную смену этнической идентичности, то довольно значительные расширения индивидуального этнического горизонта.
- ² См.: Интервью Вии Бейнерте с филологом, ученицей Я. Эндзелина, Расмой Грисле начинается словами: «Говорим с уважаемым доктором наук о судьбе латышского языка, и т. о. народа». См.: *Beinerte V.* Ne viss der runāt // Mājas viesis. 2005. 17 nov. L. 30–31.
- ³ См.: *Druviete I.* Latviešu valodas sociolingvistiskā situācija. Rīga, 1996. L. 3
- ⁴ Об этом, в частности, часто говорит и пишет Ина Дривие, филолог, в недавнем прошлом – министр образования Латвии. См. ее доклад «Многообразные аспекты лингвистической идентичности» на Международной конференции «Язык и идентичность», Латвия, 24 сентября 2004 г.; см. также: *Druviete I., Baltaiskalna D., Ernstsone V., Kuzina V., Poriņa V.* Language Situation and Language Policy in Latvia / Background information. Rīga, Department of Sociolinguistics, Latvian Language Institutes, University of Latvia. <1998>.
- ⁵ Понятие о «национальном языке», возникшее во второй половине XIX в., и первоначально преимущественно во французской литературе (Fustel de Coulanges, Numa Denis, Ernest Renan, Gustave Le Bon), подробно исследовано в работах социалингвиста Джона Джозефа: *Joseph J.E.* Language and Identity: National, Ethnic, Religious. Basingstoke; New York, 2004. В его докладе «The Co-Imagining of Language and National Identity» на Международной конференции «Язык и идентичность», Латвия, 24 сентября 2004 г. Д. Джозеф, подчеркнул высокую степень конвенциональности «национального языка», наблюдавшуюся во многих случаях его независимости от этнической «принадлежности», юридического статуса и территориального положения, а также, как важную особенность, – его инструментальный аспект, заключающийся в создании социальной коммуникативной сети в определенных исторических обстоятельствах. По мнению Ж. Джозефа, «национальный язык» это – или «перепрочтение», или субституция, необходимая в ходе формирования данной нации. Т. е. национальный язык всегда обладает центристременительной силой и реально объединяет различные (а иногда и очень различные) социальные, этнические, конфессиональные и т. п. группы, может быть, даже невзирая на государственные, религиозные, сословные, классовые границы.
- ⁶ Об этом можно прочитать в аналитических обзорах социологов и языковедов Латвии – *Druviete I., Baltaiskalna D., Ernstsone V., Kuzina V., Poriņa V.*; об этом многократно говорится на научных конференциях, посвященных проблемам языка и культуры Латвии.
- ⁷ См. *Ripķis J.* Pidžinizācija kā letiņu un latvijāņu negaholizma sekas // Diena. 12.03.1998.
- ⁸ См. работы Лидии Лейкумы (*Leikuma L.* Latgališu volūda. 1. Sanktpēterburga, 2003), Антона Брейдака (*Брейдак А.Б.* Латгальский язык // Языки мира: Балтийские языки. М., 2006. С. 193–213).
- ⁹ См. *Nesselmann G.H.F.* Die Sprache der alten Preussen an ihren Überresten erläutert. Berlin, 1845. XXVIII.
- ¹⁰ См.: *Buga K.* Kalbų mokslas ir mūsų senovė. Kaunas, 1913.
- ¹¹ Одно из наиболее интересных и новаторских исследований латышского языка осуществляется на Балтийском отделении Филологического факультета Санкт-Петербургского университета А.В. Андроновым; см.: *Андронов А.В.* Материалы для латышско-русского словаря. СПб, 2002.
- ¹² См.: *Топоров В.Н.* Балтийские языки // Языки мира: Балтийские языки. М., 2006. С. 10–20.
- ¹³ Там же. С. 15.
- ¹⁴ См.: *Диманте И.* Языковая ситуация и языковое законодательство в Латвийской Республики. М., 2005.
- ¹⁵ См.: *Рыжакова С.И.* Язык орнамента в латышской культуре. М., 2002.
- ¹⁶ См.: *Ozols A.* Latviešu tautasdziesmu valoda. Rīga, 1961; *Blinkena A.* Latviešu valoda, valodniecība un Krišjāņa Barona «Latvju Dainas» // Latviešu valodas kultūras jaunajumi. Rakstu krājums. 21 laidziens. Sast. A. Rubīna. R. Avots, 1985. L. 5–19.
- ¹⁷ См.: *Рыжакова С.* «...и многие души пробудились». Гернгутерские общины Латвии в истории религиозной и этнической культуры латышей // Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст. СПб, 2005. С. 117–156.
- ¹⁸ *Дини П.У.* Балтийские языки. М., 2002. С. 195.
- ¹⁹ Витаутас Мажюлис (см.: *Мажюлис В.* Социоллингвистические заметки к архаичному характеру языка (балтийские языки) // Baltistica. 10. Vilnius. С. 119–127), как и Пьетро У. Дини (см.: *Дини П.У.* Балтийские языки. М., 2002. С. 196) относят начало этих контактов ко 2 тыс. до н. э.
- ²⁰ *Дини П.У.* Балтийские языки. С. 403.
- ²¹ Хроника Ливонии Генриха Латвийского. М.; Л., 1936. Предлагается различная этимология этих названий: Lietava/Latava – от гидронимов (см.: *Buga K.* Kalbų mokslas ir mūsų senovė. Kaunas, 1913; *Mülenbachs K., Endzelīns J.* Latviešu valodas vārdnīca. Papildinājumi, 1–7 sēj. Rīga, Izglītības ministrija, Kultūras fonds. 1923–32. 2. sēj., 425; *Kuzavins K.* Lietuvos vardo kilme // Kalbotyra. Vilnius, 1964. 10. P. 5–18), или от обозначения военных групп (*Karaliūnas S.* Tauta, visuomenė ir lietuvių kalbos vartojimas // LKK. 31. P. 26–50), или как производные от эндоэтнонимов, обозначавших в восточнобалтийских диалектах понятия «сельский житель, родной» (см.: *Karaliūnas S.* Lietuvos vardo kilmė // LKK. 35. P. 55–91).
- ²² *Дини П.У.* Балтийские языки. С. 200.
- ²³ См.: *Arpīns A.* Grāmata un latviešu sabiedrība līdz 19. gadsimta vidum. Rīga, 1991.
- ²⁴ Там же. Л. 27.
- ²⁵ См.: *Топоров В.Н.* Эрнст Глюк – немецкий подвижник латышского и русского просвещения // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. С. 243–261.
- ²⁶ См.: *Karulis K.* Jānis Reiters un viņa tulkojums. Rīga, Liesma, 1986.
- ²⁷ Там же. С. 51.
- ²⁸ См. Топоров В.Н. Эрнст Глюк. С. 243–261.
- ²⁹ См. *Blese E.* Valoda un tautas gars. Lingvistiski-psicholoģisks apcerējums // Grāmata. 1940. L. 122–245. 1940. Rīga, Rīgas Latviešu Biedrības Derīgu Grāmatu nodaļa.
- ³⁰ *Дини П.У.* Балтийские языки. С. 362.
- ³¹ См.: *Blese E.* Latviešu literāriskā valoda // Latvieši. Rīga, 1932; Latvieši. XX gadsimta 20–30 g. autoru rakstu krājums. М.; Rīga, 2003. L. 76.
- ³² См.: *Топоров В.Н.* Три заметки о Старом Стендере // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989. С. 93–162.
- ³³ См. об этом в следующих работах: *Paklons J.* Herders un latviešu literatūra // Varavīksne, Rīga, 1978. P. 135–153; *Šešplaukis-Tyruolis A.* J.G. Herderis ir baltu tautos. Vilnius, Mokslų ir enciklopedijų leidykla. 19–51; *Scholz F.* Herders Auffassung des Volkslieds und der Dichtung und die lettischen Volksliedersammlungen des 19. Jahrhunderts // ZOstF. 44. S. 564–579.
- ³⁴ См.: *Рыжакова С.* «...и многие души пробудились». Гернгутерские общины Латвии в истории религиозной и этнической культуры латышей // Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст. СПб, 2005. С. 117–156.

- ³⁵ См.: *Plakans A.* From a Regional Vernacular to the Language of a State: the Case of Latvian // *IJSL* 100–101. P. 206–207; *Straube G.* Pirmā atmoda // *Kultūras Diena*. 28.05.2005. № 7; см. также *Adamovičs L.* Latviešu brāļu draudze dzimtbūšanas laikos. Rīga, 1932.
- ³⁶ См.: *Apinis A.* Aizsākums // *Karogs*. 1984. № 8. L. 140–154.
- ³⁷ См.: *Miezīte.* Līdz sim nezināms brāļu draudžu rokraksts – Līķu grāmātiņa // *Karogs*, 2004. № 7. L. 202.
- ³⁸ Там же. L. 203.
- ³⁹ Илона Миезите высказывает предположение, что это, возможно, свидетельствует о знакомстве гернгутерских братьев с апокрифическими произведениями ранних христиан, что вообще противоречит и лютеранской традиции, и традиции немецких братьев, для которой характерно отношение к Библии как к единственному источнику (*Miezīte.* Līdz sim nezināms brāļu draudžu rokraksts – Līķu grāmātiņa // *Karogs*, 2004. № 7. L. 202–206.)
- ⁴⁰ См.: *Straube G.* Pirmā atmoda // *Kultūras Diena*, 28.05.2005. № 7.
- ⁴¹ Дини П.У. Балтийские языки. С. 370.
- ⁴² См.: *Arons M.* Latviešu literāriskās (Latvieši Draugu) biedrība sava simts gadu darbā. Rīga, 1929. L. 6–16.
- ⁴³ См.: *Švabe A.* Latvijas vesture. 1800–1914. Stokholma, 1958. L. 131–133.
- ⁴⁴ См.: *Infantejvs B.* Der Kampf der Letten um ihre Muttersprache und ihre Identität in den 60er bis 90er Jahren des 19. Jahrhunderts // *Literaten und Nationale Identität*. 2 Teile. Tampere, 1999. S.189–200.
- ⁴⁵ См.: «Заметки православного латыша» Индрикуса Страумите // *Самарин Ю.* Окраины России. Русское Балтийское поморье. Вып. 1–2. Прага, 1868.
- ⁴⁶ *Alunāns J.* Kopoti raksti, Rīga, 1931. L. 11, 53.
- ⁴⁷ Там же. L. 11, 120.
- ⁴⁸ Так, Ю. Алунансом, были изобретены, например, следующие слова латышского языка: *ceļot, atkārtot, izraksts, noraksts, māksla, burts, atdzimšana, ārzemes, skābe, galms, apziņa, saeima*. Из литовского языка он заимствовал в латышский *veikals, kareivis*. Он распропагандировал форманты – *tava (mazgātava, maltava, karātava, ceptava)*, – *nieks (padomnieks, dziesminieks, ratinieks, galdnieks, maiznieks, skolnieks* – сначала в смысле учитель), – *nice (zvērnice, siltumnice, iesalnice, kļēģelnice)*, – *āja (krūmāja, bedrāja, kalnāja)*, – *ietis/ieks (valmierietis, amerikānietis (amerikaneris), romnieks (riemeris))*, – *iņa (Anglija, Francija* ранее звучали как «*englanderu zeme*», «*sprancu zeme*»). См.: *Blese*. 1932 (2003). L. 78; *Alunans J.* Viedamu vārdu saraksts. Kop. raksti, Sakart. Rīga, 1914. L. 181–183, 282–307; *Alunans J.* Par jauniem latviešu valodā taisāmiem vārdiem // *Kop. Raksti*, 11. L. 100–102.
- ⁴⁹ См.: *Bielenstein A.* Die Lettische Sprache nach Ihren Lauten und Formen. 2 Bd. Berlin, 1863–1864; *Bielenstein A.* Die Elemente der lettische Sprache. Berlin, 1866.
- ⁵⁰ См.: *Zobugals.* Kaunīgie latvieši // *Pēterburgas Avīze*. 1862. № 22. Pielikums. 1863. № 8. Pielikums.
- ⁵¹ Из устаревших и диалектных слов им были взяты – *arvārsnis, jauda, kautrēties, nolūks, sacerēt, veids*. Из древнепрусского – *ķermenis*. Из литовского – *Vielā*. Сам составил – *apstākļis, burtnīca, būte, būība, dzeja, dzejolis, līdzekļi, nākotne, pagātne, priekšmets, pilnvara, raksturs, satversme, stāvoklis, sūtnis, ziedonis, zinātne, teikums, turpināt, vēstule, vēsture, cietoksnis, cēlonis* (*Zeiferts T.* Latviešu rakstniecības vēsture. Rīga, 1993. L. 338–339; Балтийские языки. С. 156.)
- ⁵² Дини П.У. Балтийские языки. С. 369–373.
- ⁵³ Своеобразный жанр литературы – литературный мифологический латышский эпос был озаглавлен появлением сочинений А. Пумпура «Лачплесис», Лаутенбаха-Юсминьша «Ниедришу Видвутс» и некоторыми другими. Эта традиция была заложена еще Меркелем в сочинении «Ванем Иманта», появившемся в начале XIX в. Однако именно теперь она получила широкое общественное признание и интерес.
- ⁵⁴ См.: *Kļaviņa Sarma.* Latviešu valodniecības šūpulis // *Dzīvā ure*. Rīgas Latviešu Biedrība vakar, šodien... Rīga, 2006. L. 48–50.
- ⁵⁵ О том, что происходило с латышским языком в первое десятилетие XX в., см.: *Metuzāle-Kangere B.* Latviešu valodas «apvienošana» divvalodības skatījuma // *ValAkt* 1990. L. 31–37.
- ⁵⁶ *Milenbachs K.* Daži jautājumi par latviešu valodu. Rīga, 1909. L. 39–41.
- ⁵⁷ См.: *Ибнеева Г.В.* Остзейский вопрос в начале царствования Екатерины II // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XIX вв. Самара, 2001. С. 24.
- ⁵⁸ См.: *Назарова Е.Л.* Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края в политике властей и представлениях общестственности Российской империи XIX в. // Исторический путь литовской письменности / Сб. материалов конференции. Вильнюс, 2005. С. 260.
- ⁵⁹ См.: *Михайлова Ю.Л.* Вопрос о переводе латышского языка на кириллический алфавит в 1860–1870-е гг. на страницах русской прессы // Исторический путь литовской письменности / Там же. С. 292–305.
- ⁶⁰ См.: *Васильев А.* Латыши и их литература // *День*. 1862. № 50; *Назарова Е.Л.* Русский язык как инструмент русификации. С. 274.
- ⁶¹ *Blese E.* Latviešu literāriskā valoda // *Latvieši*. 2 sēj. Rīga, 1932; *Latvieši*. XX gadsimta 20–30 gadu autoru rakstu krājums. M., Rīga, 2003. L. 85.
- ⁶² См.: *Traden E.* Russification in the Baltic Provinces and Finland 1855–1914. Princeton, 1981.
- ⁶³ *Вальдемар X.* Русский язык в Прибалтийских губерниях // Москва. 1867. № 114–118. С. 123–124.
- ⁶⁴ *Назарова Е.Л.* Русский язык как инструмент русификации. С. 275.
- ⁶⁵ *Becenberger.* Lettische Dialekt-Studien, 1885; Über die Sprache der preussischen Letten, 1888.
- ⁶⁶ *Valodas politikas īstenošana Latvijā: Valsts valodas centrs.* 1992–2002. Rīga, 2002. L. 3.
- ⁶⁷ См.: История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 108–133.
- ⁶⁸ *Belardi W.* Periferia e centro. Un’antitesi nella questione della lingua. Roma, 1995. P. 109.
- ⁶⁹ *Blese E.* Valoda un tautas gars. Lingvistiski-psicholoģisks apcerējums // *Grāmata*. Rīga, 1940. L. 122–245.
- ⁷⁰ *Adamovics L.* Latviskums mūsu dievkalpojums. Pārdomas, meklējumi, priekšlikumi. Rīga, 1939.
- ⁷¹ Дини П.У. Балтийские языки. С. 377.
- ⁷² *Blese E.* Latviešu literāriskā valoda // *Latvieši*. 2 sēj. Rīga, 1932; *Latvieši*. XX gadsimta 20–30. Gadu autoru rakstu krājums. M.; Rīga, 2003. L. 70.
- ⁷³ Там же. L. 88.
- ⁷⁴ См.: История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 231–236. *Volkovs V.* Krievi Latvijā. Rīga, 1996. L. 99.
- ⁷⁵ См.: Окупācijas režīmi Latvijā 1940–1956 gada: Latvijas Vēsturnieku komisijas 2001 g. pētījumi. Rīga, 2002.
- ⁷⁶ История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 295–296.
- ⁷⁷ *Volkovs V.* Krievi Latvijā. L. 83–107.
- ⁷⁸ Национальные и этнические группы Латвии. Информационный материал. Рига, 1996. С. 27.
- ⁷⁹ Там же. С. 14.
- ⁸⁰ Etnosituācija Latvijā (Fakti un komentāri). Rīga, 1994. L. 4.
- ⁸¹ *Градулина Л.К., Семенова М.Ф.* Русский язык в Латвийской ССР // Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977. С. 206.
- ⁸² Там же. С. 202.
- ⁸³ *Valodas politikas īstenošana Latvijā: Valsts valodas centrs.* 1992–2002. Rīga, 2002. L. 6.
- ⁸⁴ *Градулина Л.К., Семенова М.Ф.* Русский язык в Латвийской ССР. С. 199.
- ⁸⁵ *Drūviete I.* Latviešu valodas sociolingvistiskā situācija. Rīga, 1996.
- ⁸⁶ *Дризуле В.* Изучение функционирования русского языка в Латвийской ССР // *Kondratīuk M.* Baļto-slowiańskie związki językowe. Wrocław, 1990. P.83–86; *Blinkena A.* Divvalodības attīstības tendences un problēmas mūsdienās // *Latvija un Krievija*. Vēsturiskie un kultūras sakari. Rīga, 1987. L. 30–39.
- ⁸⁷ *Руднев В.* О билингвизме в культуре // *Даугава*. 1989. № 1. С. 68–69.
- ⁸⁸ *Вийкберг Ю., Раннут М.* Исторический аспект статуса языка. Таллин, 1988.
- ⁸⁹ *Хириша Дзинтра.* Латышский язык в Латвии // *Даугава*. 1989. № 1. С. 64–65.

- ⁹⁰ Ruke-Draviņa V. The Standardization Process in Latvia // AUS. V. 11. 1977. P. 9.
- ⁹¹ ПМА. Интервью с М. Костенецкой. 16 октября 2006 г.
- ⁹² ПМА. Интервью 22 сентября 2006 г.
- ⁹³ Auziņš I. Valodiņa Dieva dota // Literatūra. Māksla. Mēs. 28.08.97–04.09.97. L. 7.
- ⁹⁴ Järve Priit. Language Battles in the Baltic States: 1989 to 2002 // Nation-Building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries. 2003. P. 83 (источник – Jamestown Foundation). http://www.amber.usf.edu/homes/ross/public_html/russl/_ruslang.txt.
- ⁹⁵ Vija Beinerte. Ne viss der runāt // Mājas viesis. 2005, 17 nov. L. 30–31.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Рунгис А. Миниатюры. На языке умирающего народа: Посткоммунистическая эпоха, разграбление награбленного. США, 1997.
- ⁹⁹ Язык есть исповедь народа... // Слово в нашей речи. 1987. Вып. 6 Рига, 1987. С. 5.
- ¹⁰⁰ Дини П. У. Балтийские языки. С. 394.
- ¹⁰¹ Скуйныш З.; см.: Bušs O. Valodas svētki. Pirmais meģinājums // Literatūra. Māksla. Mēs. 3.04.1987. L. 3.
- ¹⁰² Хинт М. Проблема двуязычия – взгляд без розовых очков // Радуга. 1987. № 6.
- ¹⁰³ Айтматов Ч. Цена прозрения // Огонек. 1987. № 28.
- ¹⁰⁴ Абызов Ю. Взглянем непредвзято // Радуга. Таллин, 1988. № 6.
- ¹⁰⁵ Слово в нашей речи. 1989. Вып. 7. Рига, 1989. С. 5.
- ¹⁰⁶ Часть писем была опубликована в изданиях: «Ceļš uz valsts valodu» 1994, «Savā zemē – savu valodu» 1999; Valodas politikas īstenošana Latvijā: Valsts valodas centrs. 1992–2002. Rīga, 2002. L. 6.
- ¹⁰⁷ Valodas politikas īstenošana Latvijā. L. 7.
- ¹⁰⁸ Raun Toivo. The Estonian SSR Language Law (1989): Background and Implementation // Nationalities Papers. 23 (3). P. 515–534.
- ¹⁰⁹ См. Restoration of the Independence of the Republic of Estonia. Selection of Legal Acts (1988–1991) / Kiris A. (ed). Tallinn, 1991. P. 7.
- ¹¹⁰ Järve Priit. Language Battles in the Baltic States: 1989 to 2002 // Nation-building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries. 2003. P. 78.
- ¹¹¹ Valodas politikas īstenošana Latvijā: Valsts valodas centrs. 1992–2002. Rīga, 2002. L. 8.
- ¹¹² Дини П. У. Балтийские языки. С. 398.
- ¹¹³ См. подробнее: Рыжакова С. «Хлебные мантры» и «японские чаши» у латышей: к вопросу об аутентичности и регистрах истинности в этнографических исследованиях // Этнографическое обозрение. 2006. № 1.
- ¹¹⁴ Valodas politikas īstenošana Latvijā. L. 3.
- ¹¹⁵ Текст «Закона о государственном языке» 1992 г. был опубликован на сайте: http://www.migrationweb/legislation/countries/la/Latvia_language_eng.html
- ¹¹⁶ Skujina V. Valsts valoda Baltijas republikā // LKK. 1994. 31. P. 88–95.
- ¹¹⁷ Valsts valoda Latvijā. Rīga, 1992. L. 90.
- ¹¹⁸ См. подробнее: Сидоров Д. Ю. Проблемы языковых прав в Латвийской Республике // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сб. статей. СПб, 2002. Вып. 2. С. 390.
- ¹¹⁹ Druviete I. Latvijas valodas politikas Eiropas Savienības kontekstā. Rīga, 1998. L. 7.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Järve Priit. Language Battles in the Baltic States. 2003. P. 91.
- ¹²³ Druviete I., Baltaiskalna D., Ernstsone V., Kuzina V., Porīņa V. Language Situation and Language Police in Latvia. Background information / Department of Sociolinguistics, Latvian Language Institutes, University of Latvia. Rīga, 1999. L. 3.
- ¹²⁴ Там же. L. 5.
- ¹²⁵ Там же. L. 15.
- ¹²⁶ Там же. L. 13.
- ¹²⁷ Там же. L. 14.
- ¹²⁸ Там же. L. 5.
- ¹²⁹ Там же. L. 12.
- ¹³⁰ Там же. L. 4.
- ¹³¹ Промежуточное положение Латвии во всем выражается и в ряде бытующих здесь анекдотов. Отмечая географически промежуточное положение среди балтийских республик, отмечают: «эстонцы гребут в сторону Финляндии, литовцы – Польши..., а нам что делать? Мы же посреди этой лодки!» Понятно, что в этой ситуации главное – держать равновесие.
- ¹³² Сидоров Д. Ю. Проблемы языковых прав в Латвийской Республике // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сборник статей. СПб, 2002. Вып. 2. С. 394.
- ¹³³ См.: Лочмеле Н. Новый закон укрепляет позиции латышского языка. Комиссии удалось почти полностью устранить несоответствие законопроекта рекомендациям ОБСЕ // Диена. 26 сентября 1998 г. С. 4.
- ¹³⁴ Muiznieks N., Kamenska A., Leimane I., Garsvane S. Human Rights in Latvia in 1999. Rīga. P. 38.
- ¹³⁵ Minority Issues in Latvia. № 17. 10 July 2000 // <http://racoon.riga.lv/minelres/archive/07102000-13:57:43-28456.html>.
- ¹³⁶ Диманте И. Языковая ситуация и языковое законодательство в Латвийской Республике. М., 2005. С. 16–19.
- ¹³⁷ Valsts valodas centra nolikums 2005 – Latvijas Republikas Ministru Kabinets. Valsts valodas centra nolikums. 22.03.2005. Noteikumi № 202 // Latvijas Vēstnesis. 2005. № 50.
- ¹³⁸ Valsts valodas aģentūra. Gada pārskats. 2005. Rīga, 2006. L. 6.
- ¹³⁹ Minority Issues in Latvia. № 49. 1 May 2002 // <http://racoon.riga.lv/minelres/archive/05022002-20:49:44-27893.html>.
- ¹⁴⁰ К выполнению этого, к укреплению фактического использования латышского языка в думах, и особенно – Даугавпилса и Риги, и пример эстонского опыта, стремятся и по сей день; см., например, статью Илмара Межа (Mežs I. Latviešu valoda krustceļš // Diena. 12.06.2002. L. 14.).
- ¹⁴¹ В Литве такой реформы не было запланировано; выбор языка среднего образования регулируется рынком и личными предпочтениями родителей; см.: Järve Priit. Language Battles in the Baltic States: 1989 to 2002 // Nation-Building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries. 2003. P. 101.
- ¹⁴² См. подробнее: Сидоров Д. Ю. Проблемы языковых прав в Латвийской Республике // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сб. статей. СПб, 2002. Вып. 2. С. 389–408.
- ¹⁴³ См. Бухвалов В. А., Плинер Я. Г. Проблемы и перспективы интеграции учащихся школ национальных меньшинств в латвийское общество. Рига, 2000.
- ¹⁴⁴ «Язык – это судьба!» // Вести сегодня. № 231 (1275). 3 октября 2003 г. С. 5.
- ¹⁴⁵ ПМА. Интервью 25 сентября 2006 г.
- ¹⁴⁶ Григорьева М. Состояние вариантов глагольного управления в латвийском «нациолекте» русского языка // Язык диаспоры. Проблемы и перспективы: Материалы 111 международного семинара. М. 2000. С. 97.
- ¹⁴⁷ Valodas situācija Latvijā. Sociolingvistisks pētījums. Rīga, 1996. L. 195.
- ¹⁴⁸ Ernstsone V., Joma D. Latviski runājošo Latvijas iedzīvotāju lingvistiskā attieksme un valodu lietojums. Rīga, 2004. L. 13.
- ¹⁴⁹ Druviete I. Latviešu valodas sociolingvistiskā situācija. Rīga, 1996; Цилевич Б. Семь лет спустя: проблемы и перспективы интеграции общества Латвии // Проблемы становления институтов гражданства в постсоветских государствах. М., 1998. С. 120.
- ¹⁵⁰ Источники: Статистическое бюро Эстонии (2001 г.), Центральное статистическое бюро Латвии (2002 г.), Предварительные результаты переписи в Литве 2001 г. Общая численность населения Эстонии – 1 370 052, Латвии – 2 377 383, Литвы – 3 483 972.
- ¹⁵¹ Järve Priit. Language Battles in the Baltic States: 1989 to 2002 // Nation-Building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries. 2003. P. 82.
- ¹⁵² Источник: Ernstsone V., Joma D. Latviski runājošo Latvijas iedzīvotāju lingvistiskā attieksme un valodu lietojums. Rīga, 2004. L. 22.
- ¹⁵³ Блинкена А. Восстановление статуса государственного языка: теория и практика // Социолингвистические

- проблемы в разных регионах мира: Материалы международной конференции. М., 1996. С. 86.
- ¹⁵⁴ Цилевич Б. Семь лет спустя: проблемы и перспективы интеграции общества Латвии // Проблемы становления институтов гражданства в постсоветских государствах. М., 1998. С. 122.
 - ¹⁵⁵ Rīņķis J. Pīdzinācija kā letiņu un latvijāņu negaholizma sekas // Diena, 12.03.1998.
 - ¹⁵⁶ Druviete I. Language Policy in a Changing Society: Problematic Issue in the Implementation of International Linguistic Human Rights Standards // Language: A Right and a Resource. Budapest: Central European University Press. P. 270.
 - ¹⁵⁷ Druviete I., Baltaiskalna D., Ernstson V., Kuzina V., Poriņa V. Language situation and language policy in Latvia. Rīga, 1999. L. 12.
 - ¹⁵⁸ Mežs I. Apliecību vai valodu? // Diena, 16.01.2002. L. 2.
 - ¹⁵⁹ Там же. L. 3.
 - ¹⁶⁰ Mežs I. Latviešu valoda krustcelēs // Diena, 12.06.2002. L. 14.
 - ¹⁶¹ Там же. L. 14.
 - ¹⁶² Baltijas datu nams 1997–1998. L. 94–95; Baltijas datu nams. Ceļā uz pilsonisku sabiedrību. Latvijas iedzīvotāju aptauja. 1997 g. Novembris. 1998 g. Janvāris.
 - ¹⁶³ Чит. по: Valodas politikas īstenošana. 2002. 4; Valodas politikas īstenošana Latvijā: Valsts valodas centrs. 1992–2002. Rīga, 2002.
 - ¹⁶⁴ Djachkova S. The Role of Language in Regional Development. Rīga, 2000. P. 7.
 - ¹⁶⁵ См. ссылку на Skutnabb-Kangas в работе: Ozolins U. Between Russian and European Hegemony: Current Language Policy in the Baltic States. // Language Policy and Language Issues in the Successor States of the Former USSR. Clevedon; Buffalo; Toronto; Sidney, P. 23.
 - ¹⁶⁶ Волков В. Место родного языка русскоязычной молодежи в интеграционных процессах Латвии // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 70.
 - ¹⁶⁷ Dreifelds J. Latvia in Transition. Cambridge, 1996.
 - ¹⁶⁸ Druviete I. Latvijas valodas politikas Eiropas Savienības kontekstā. Rīga, 1998.
 - ¹⁶⁹ Источник: Данные регистра жителей Управления по делам гражданства и миграции; Data Serviss 2004; <http://www.np.gov.lv/index.php?lv> [2005.g. 6.janv.
 - ¹⁷⁰ Valsts valodas politikas pamatnostādnes 2005–2014 g. Rīga, 2005. L. 9.
 - ¹⁷¹ Источник: Ernstson V., Joma D. Latviski runājošo Latvijas iedzīvotāju lingvistiskā attieksme un valodu lietojums. Rīga, 2004. L. 12.
 - ¹⁷² Там же.
 - ¹⁷³ Там же. L. 7–11.
 - ¹⁷⁴ Там же. L. 12.
 - ¹⁷⁵ Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте. 2006. С. 502.
 - ¹⁷⁶ Deidulis L. Korekti par politizēto – valoda un integrācija Latvijā // <http://www.politika.lv>. 16.02.2004.
 - ¹⁷⁷ Butkus A. Valsts valoda: likums un realitāte // Lauku Avīze. 11.12.2004 // <http://www.politika.lv>. 20.11.2005.
 - ¹⁷⁸ Nepacietīgie latvieši, «neīstie» krievi // <http://www.politika.lv>. 27.03.2002.
 - ¹⁷⁹ Тюрин П. Язык мой – враг мой? // Даугава. № 2. Рига, 2006. С. 111–120.
 - ¹⁸⁰ Baltaiskalna D. Valsts valodas lietojums izglītības sistēmā // Linguistica Lettica. № 8. Latviešu valodas institūts. Rīga, 2001. L. 49; Poriņa Vineta. Valodas izvēle Latvijā // Linguistica Lettica. № 8. Latviešu valodas institūts. Rīga, 2001. L. 65.; Диманте И. Языковая ситуация и языковое законодательство в Латвийской Республике. М., 2005. С. 93–94.
 - ¹⁸¹ Djačkova S. Latviešu valoda klībo. Integrācija arī // <http://www.politika.lv>. 16.02.2004.
 - ¹⁸² Ernstson V., Joma D. Latviski runājošo Latvijas iedzīvotāju lingvistiskā attieksme un valodu lietojums. Rīga, 2004.
 - ¹⁸³ Там же.
 - ¹⁸⁴ Там же. L. 69.
 - ¹⁸⁵ Там же. L. 70–71.
 - ¹⁸⁶ Там же. L. 50.
 - ¹⁸⁷ Ernstson V., Joma D. Latviski runājošo Latvijas iedzīvotāju lingvistiskā attieksme un valodu lietojums. Rīga, 2004. L. 50–51.
 - ¹⁸⁸ Nītiņa D. Valsts valodas kvalitāte. Rīga, 2004. L. 7.
 - ¹⁸⁹ См.: Nau N. Komunikatīvā gramatika. Rīga, 2002.
 - ¹⁹⁰ Nītiņa D. Valsts valodas kvalitāte. L. 40.
 - ¹⁹¹ Ernstson V., Joma D. Latviski runājošo. L. 72.
 - ¹⁹² Nītiņa D. Valsts valodas kvalitāte. L. 40.
 - ¹⁹³ ПМА. Интервью 17.11.2006 г.
 - ¹⁹⁴ См. Bobrikova N. Latviešu krievu valoda // <http://www.politika.lv>. 31.05.2005.
 - ¹⁹⁵ См.: www.tilde.lv
 - ¹⁹⁶ Skulte I. Latviešu valoda «jaunā kapitālisma» apstākļos: mediju diskursa kritiska analīze // Valoda – 2005. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Daugavpils, 2005. L. 69–73.
 - ¹⁹⁷ Druviete I. Language Policy in a Changing Society: Problematic Issue in the Implementation of International Linguistic Human Rights Standards // Language: A Right and a Resource. Budapest. P. 263–272.
 - ¹⁹⁸ Nītiņa D. Valsts valodas kvalitāte. Rīga, 2004.
 - ¹⁹⁹ Lauze L. Ikdienas saziņa: vienkāršs teikums latviešu sarunvalodā. Liepāja, 2004.
 - ²⁰⁰ Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi. Populārzinātnisku rakstu krājums. № 1. Rīga, 2005.
 - ²⁰¹ Bušs O., Ernstson V. Latviešu valodas slenga vārdnīca. Rīga, 2006.
 - ²⁰² Liniņš E. Latviešu valoda videokameras fokusā // Kultūras forums. 2003. 12–19 dec. L. 5.
 - ²⁰³ Там же.
 - ²⁰⁴ ПМА. Интервью с И. Шлапинсом. Сентябрь 2006 г.
 - ²⁰⁵ Zandere I. Lattive ka piesta // Rīgas Laiks. Augusts, 2006. L. 72–74.
 - ²⁰⁶ Там же. L. 74.
 - ²⁰⁷ Järve Priit. Language Battles in the Baltic States. P. 75–105.
 - ²⁰⁸ ПМА. Интервью 17.10.2006.
 - ²⁰⁹ Baltijas datu nams. Ceļā uz pilsonisku sabiedrību. Latvijas iedzīvotāju aptauja, 1997g. Novembris. 1998 g. Janvāris. L. 112.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПМА – Полевые материалы автора.
 ValAkt – Valodas aktualitātes. Rīga.
 LKK – Lietuvių Kalbotyros Klausimai. Vilnius.
 AUS – Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm.
 IJSL – International Journal of Sociology of Languages. The Hague.
 ZOstF – Zeitschrift für Ostforschung. Marburg-Lahn.
 LKV – Latvijas Konversācijas Vārdnīca. Rīga, 1932–1940.